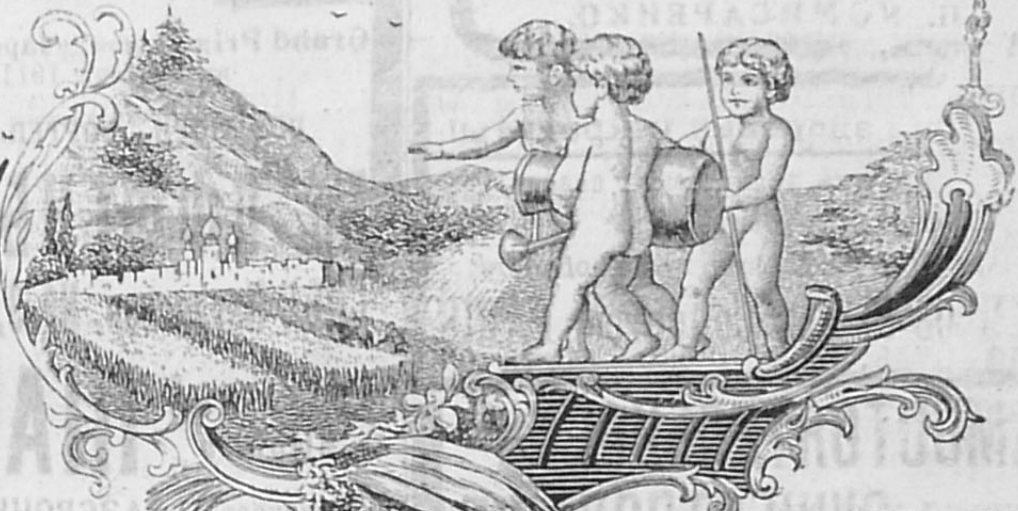

ЖИВЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

№ 4

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 28-го января 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XLIII

1912

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Золотая паутина.

Повѣсть В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

VI.
ачѣмъ же меня приглашали?— сидя опять на извозчикѣ, началъ, по обыкновенію, соображать Ефремовъ. — Провѣрка этихъ бумажекъ, которую я сегодня дѣлалъ, очевидно, никому не нужна. Полковникъ даже и не взглянулъ на мою работу... Значить...“

И вдругъ ясная и опредѣленная мысль выкристаллизовалась у него въ головѣ:

„...чтобы отвлечь отъ приѣмки...“

И отъ этой мысли ему стало даже жутко.

— Значить... значить... значить,— машинально повторялъ онъ...

Красивая, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, запряженная въ англійскій шарабанъ, проѣхала мимо него. Офицеръ, сидѣвшій въ шарабанѣ рядомъ съ громомъ и правившій лошадей, привѣтливо улыбнулся Ефремову и закивалъ головой.

„Батюшки! Да вѣдь это Живицкій!“— узналъ онъ и невольно обернулся назадъ.

Шарабанъ въ это время уже подъѣхалъ къ крыльцу полковника Пазухина и круто остановился.

Ефремовъ видѣлъ, какъ Живицкій выскочилъ изъ шарабана и вошелъ въ подъѣздъ.

„Что же это такое?... Онъ опять вернулся?— чуть не влудхъ заговорилъ

А. Неванъ дю-Монтъ. Пьерро.

самъ съ собой Ефремовъ.—Значить... Да нѣтъ! Чтò же это значить, въ самомъ дѣлѣ? И лицо у Живицкаго не разстроенное, а напротивъ—веселое и даже самодовольное... Неужели „милые бранятся, только тѣшатся?“ Или еще вѣрнѣе—„рука руку моетъ?“

И Ефремовъ зябко повелъ плечами подь своимъ довольно старенькимъ, поношеннымъ пальто.

— Эхъ! Эхъ!—завздыхалъ онъ.—Меня отвлекаютъ отъ приѣмки, а сами, видимо, какой-то шахеръ-махеръ устраиваютъ... Подѣлать чего-то не могутъ, ругаются... Потомъ, сейчасъ, вѣроятно, помиряются... Неужели это такъ? О, какъ же нужно держать ухо востро, чтобы не влопаться въ какую-нибудь грязную исторію!.. Страшная служба! Кругомъ все деньги, деньги и деньги... и страшно тутъ человѣку, у котораго этихъ денегъ-то и нѣтъ!.. Ну, да будь, чтò будетъ, а я себя—не продамъ! Ни за какіе миллионы!.. Нѣтъ, не продамъ! Можетъ-быть, это смѣшно, наивно, сентиментально по нашему времени, но я прежде всего—офицеръ, и стало-быть—человѣкъ честный...

Извозчикъ выѣхалъ на площадь.

— Къ которому подѣзду—къ гостиницѣ или къ ресторану?—спросилъ онъ.

— Къ гостиницѣ.—отвѣтилъ Ефремовъ.

— Ахъ, какъ кстати!—весело заговорила Вѣра Андреевна, встрѣчая его на порогѣ своего номера.—А я только что собиралась завтракать, а одной такъ скучно! Ну, будемъ завтракать вмѣстѣ! Вы гдѣ хотите: въ общей столовой или у меня въ номерѣ? Все равно? Ну, такъ давайте у меня въ номерѣ. Входите! Входите! Давайте вашу фуражку!.. Францъ.—обратилась она къ явившемуся на звонокъ представителю официанту:—вы подадите завтракъ сюда, въ комнату. Ну, да, да! Конечно, на двѣ персоны! И вина... Вы какое пьете? Кажется, Алексѣй Васильевичъ? Ахъ, pardon! Василий Алексѣевичъ!.. Такъ какое вы вино пьете: бѣлое или красное? Все равно? Ну, такъ дайте, Францъ, бѣлаго, знаете, которое я всегда... Да садитесь, садитесь же, Василий Алексѣевичъ! Курите! У меня все можно!

Ефремовъ закурилъ папиросу и окинулъ глазами номеръ. Онъ былъ изъ двухъ комнатъ: одной большой, гдѣ они находились, уже совершенно прибранной, и другой поменьше—спальни, гдѣ еще чувствовался утренній беспорядокъ. Съ обстановки онъ перевелъ взглядъ на хозяйку.

Какъ и вчера, она была одѣта съ большимъ изяществомъ и вкусомъ и сегодня казалась еще красивѣе въ своемъ строгомъ домашнемъ туалетѣ, такъ хорошо обрисивывавшемъ ея стройныя формы.

— Ну, вотъ какой вы милый! Приѣхали!—картавя на букву „р“ и не выговаривая „л“, тараторила „баронесса“, какъ мысленно называла ее Ефремовъ.—Впрочемъ, я была увѣрена, что приѣдете. Вы изъ тѣхъ, чтò слушаются женщинъ. Вы думаете—это нехорошо? Не скажите! Смотря для кого. Есть женщины, которыя любятъ надъ собой властелиновъ, а есть, которыя предпочитаютъ имъ...

— рабовъ...—договорилъ за нее Ефремовъ.

— Зачѣмъ—рабовъ? Скажемъ лучше—друзей... Вотъ я именно такая! Я люблю мужчинъ—друзей. Я, видите ли, себя очень люблю, а властелины поработаютъ индивидуальность... Мой мужъ хотѣлъ-было, но осѣкся. Наслажденія въ страданіяхъ я не вижу. Я нахожу только наслажденіе въ наслажденіяхъ. И другъ въ данномъ случаѣ болѣе подходящъ.

— А рабъ—еще болѣе,—замѣтилъ опять Ефремовъ.

— Фи! Никогда!—горячо запротестовала „баронесса“:—рабъ, это—слякотъ. Это—пыльная тряпка! Я люблю, когда мнѣ возражаютъ, спорятъ со мной и считаются съ моимъ мнѣніемъ. А рабъ, это—чего изволите? А властелинъ, это—„чего моя нога хочетъ!“ Другъ—вотъ это дѣло другого рода! Другъ хорошъ не только какъ другъ, но и какъ мужъ и какъ возлюбленный. Вотъ посмотрите—мужъ моей сестры, Нади. Онъ настоящій другъ. И какъ они хорошо живутъ! Душа въ душу. Сердце, какъ говорится, глядя на нихъ, радуется!.. А вотъ и завтракъ! Ну, давайте завтракать! Вы, можетъ-быть, хотите водки? Нѣтъ? Не пьете? И отлично! Водка, это—гадость! Я даже не понимаю, зачѣмъ водка? Вино, это—другого рода! Оно и вкусно и даетъ прекрасное настроеніе нервамъ. Вы любите вино?

— Да... пожалуй... только, не очень много...

— Вотъ именно вино тѣмъ и хорошо, что его пьешь ровно столько, сколько слѣдуетъ.

— Однако вѣдь и виномъ можно напиться до-пьяна.

— Можно. Но это значить, что и нужно. Значить, есть потребность напиться до-пьяна.

— То-есть какъ потребность?

— Больше скажу: даже иногда необходимость. Бываютъ минуты, когда нервы запутываются въ какой-то страшный узелъ, въ комокъ какой-то, и перепутываютъ всю вашу жизнь. Вы страдаете, мучитесь, начинаете придираться къ людямъ, иногда даже ненавидите себя. Однимъ словомъ, сами не знаете, чего вы хотите... И вотъ тутъ лучшій другъ—вино, много вина! Какъ можно больше, до-пьяна! И нервы встряхиваются, узелъ распутывается, и жизнь опять ясна! Ошибки—налѣво, вѣрные шаги—направо... однимъ словомъ, вы опять на рельсахъ... Выпейте этого вина! Оно очень недурно.

И „баронесса“ налила изъ длинной узенькой бутылки въ зеленныя рюмки блѣдно-желтаго вина.

„Чтò это за странная женщина?“—думала Ефремовъ, слушая Вѣру и любуясь ею.

Онъ такихъ еще не встрѣчалъ. Говоритъ она все, какъ-будто не думая, и все это кажется очень милымъ и остроумнымъ... А чтò, если бъ она не была такъ хороша собой, казались бы ея рѣчи такъ же умны и остроумны или нѣтъ?... и даже вѣрнѣе—нѣтъ, потому что вотъ и сейчасъ на многое хочется ей возразить, многое оспаривать... Но она такъ мило все это щебечетъ, такъ красиво шевелятся ея сочныя губки, и носикъ такъ весело подпрыгиваетъ... что жаль оборвать эту хорошенькую картинку. И слушаешь ее, и она нравится, и нравится все, чтò она говоритъ, и вино вотъ это нравится... несмотря на то, что онъ никогда не любилъ этихъ кислыхъ рейнвейновъ и въ другомъ мѣстѣ съ большимъ бы удовольствіемъ выпилъ стаканъ хорошаго пива... А вотъ у нея здѣсь—все нравится... И такъ уютно, и не хочется уходить отсюда. И не хочется, чтобъ обрывалась эта бисерная ниточка ея словъ, и даже голосъ ея, который еще вчера казался ему не особенно пріятнымъ, сегодня уже нравится, и не хочется, чтобъ онъ былъ другимъ.

А Вѣра Андреевна, между тѣмъ, щебетала и щебетала. Подали кофе, а къ нему коньякъ и ликеры.

„Это съ утра-то!“—подумала Ефремовъ, но тѣмъ не менѣе налилъ седѣ рюмку бенедиктину.

Онъ вообще пилъ мало и поэтому уже чувствовалъ, какъ у него начинается туманиться голова. Но теперь это ему было пріятно, и онъ ласковыми, добрыми глазами черезъ очки поглядывалъ на свою собесѣдницу.

Она сидѣла на диванчикѣ, много шевелилась, дѣлала много жестовъ, то и дѣло что-нибудь переставляла на столѣ, и Ефремовъ не могъ оторвать глазъ отъ ея красивой бѣлой руки. „Баронесса“ замѣтила это.

— Вамъ нравится моя рука?—вдругъ спросила она.

— О...о...чень!—слегка конфузясь, отвѣтилъ Ефремовъ.

— Такъ можете ее поцѣловать!

И она приблизила свою руку почти къ самому его рту. Ефремовъ покраснѣлъ и вытянулъ-было губы. И какъ разъ въ это время постучали въ дверь.

— Entrez!—крикнула „баронесса“, отдергивая руку.

Вошелъ Живицкій.

— А я васъ ищу!—обратился онъ къ Ефремову, здороваясь съ Вѣрой, спокойно и увѣренно цѣлуя ея руку.

— Меня?—удивился Ефремовъ.

— Да! Я сейчасъ заѣзжалъ домой, и туда доставили мнѣ письмо отъ вашей супруги. Она проситъ разыскать васъ и сообщить...

Тутъ Живицкій-немного замаялся:

— У васъ дома не все благополучно... Былъ докторъ и опредѣлилъ, что у младшей дѣвочки... скарлатина... и средняя тоже, кажется, уже заражена...

Ефремовъ весь похолодѣлъ и почувствовалъ, какъ у него на черепѣ начинаетъ стягиваться кожа. Испугъ выразился и на лицѣ „баронессы“.

— Скарлатина!?!—прошенталъ Ефремовъ, поднимаясь съ мѣста.—Я сейчасъ къ нимъ...

— Нѣтъ, погодите!—остановилъ его Живицкій.—Это надо обсудить. Если вы поѣдете сейчасъ туда, вы попадете въ карантинъ, и вамъ придется на нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время оборвать службу. А теперь самая горячая полоса...

— Что же мнѣ дѣлать?—шепталъ Ефремовъ, чувствуя, какъ колеблется подъ нимъ полъ, и плохо различая стѣны и лица собесѣдниковъ.

— Я и говорю, что нужно обсудить. Вашу супругу съ больными дѣтьми нужно изолировать, — говорилъ Живицкій, опускаясь въ кресло и приглашая жестомъ присѣсть и Ефремова.— А вамъ со старшей дѣвочкой переѣхать куда-нибудь... ну, хоть въ гостиницу. Ей сколько лѣтъ?

— Семь,—едва слышно отвѣтилъ Ефремовъ.

— Боже, какая еще крошка!—прошептала „баронесса“.

— Да-а,—подтвердилъ Живицкій.—Вамъ съ такой маленькой будетъ неудобно. Тутъ нужна женская рука... Вотъ что я вамъ скажу,—послѣ небольшого раздумья продолжалъ онъ.—У насъ въ правленіи служитъ одинъ чиновникъ... изъ маленькихъ... У него очень милый человекъ жена. Люди бѣдные. За извѣстную плату они могли бы пріютить вашу дѣвочку. Я вамъ повторяю, что они очень-очень хорошіе люди... оба... и ребенку у нихъ будетъ хорошо... А сами вы поселитесь гдѣ-нибудь въ гостиницѣ.

Ефремовъ, сгорбившись, сидѣлъ на стулѣ, сжимая ладонями свою голову.

„Сейчасъ было такъ хорошо и вдругъ стало такъ ужасно!“—машинально думалъ онъ. И почти не понималъ, что говоритъ ему Живицкій.

Ему представлялась дѣтская, а въ кроваткахъ лежатъ Муся и Лялечка. И жена и няня Пелагея... А рядомъ, въ кабинетѣ, между стѣной и шкапомъ, виситъ на стѣнѣ его сѣрая тужурка... А въ коридорѣ навѣрное пахнетъ цикоріемъ...

— Да, но мнѣ можно будетъ все-таки жену-то повидать?—убитымъ голосомъ спросилъ онъ.

Живицкій немного подумалъ. Потомъ нерѣшительно сказалъ:

— Пожалуй!.. Но только... на разстояніи... Ну, напримѣръ, на лѣстницѣ, что ли...

Тутъ въ разговоръ вмѣшалась Вѣра.

— Конечно, конечно!—затараторила она, нѣсколько смягчая свой голосъ.—Самое лучшее такъ: старшую дѣвочку вы отправите къ этимъ чиновникамъ, а сами переѣдете куда-нибудь въ гостиницу, хотя бы вотъ сюда, въ „Савойю“... Тутъ есть недорогіе номера...

— У меня дома дѣла разныя... бумаги...—вспомнилъ Ефремовъ.

— Ну, это можно дезинфицировать и перевезти къ вамъ.—сказалъ Живицкій.—Конечно, въ другое время вамъ бы дали отпускъ,—продолжалъ онъ:—но теперь у насъ такая горячая полоса: пріемка за пріемкой, рукъ не хватаетъ... А вѣдь при скарлатинѣ карантинъ, кажется, минимумъ шесть недѣль продолжается... Однимъ словомъ, надо на что-нибудь рѣшиться...

— Лучше этого и не выдумать,—замѣтила Вѣра.

Ефремовъ тряхнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ—поѣдемте!—сказалъ Живицкій, поднимаясь съ мѣста.

Всталъ и Ефремовъ и взялся за фуражку.

— Ну, а я вамъ номеръ велю здѣсь приготовить... недорого... Я думаю, что здѣсь есть такіе... — заключила Вѣра, прощаясь съ ними.

И офицеры вышли въ коридоръ.

— Слушайте, — началъ Живицкій, беря Ефремова подъ руку.—Будьте со мной откровенны! Вамъ, можетъ-быть, нужны деньги?

— Да, но откуда я ихъ возьму?—мрачно отвѣтилъ Ефремовъ, глядя себѣ въ ноги.—Въ правленіи я не могу просить, потому что недавно еще выдано пособіе на обзаведеніе...

— Пустяки!—подбодрилъ его Живицкій, побрякивая на ходу шпорами.—Въ правленіе, конечно, сейчасъ обращаться неудобно... потомъ-то мы и это устроимъ... на болѣзнь дѣтей... Ну, а пока... возьмите у меня.

Ефремовъ молчалъ.

— Какой вы странный!.. — загорячился Живицкій и даже пріостановился, потому что коридоръ уже кончался.—Вы этимъ

меня обижаете. Мы съ вами служимъ вмѣстѣ, я позволяю себѣ считать себя вашимъ товарищемъ, такъ позвольте же и вы мнѣ въ такую минуту прійти къ вамъ на помощь! Мы должны другъ другу помогать!.. Вы мнѣ отдадите изъ пособія, которое я же вамъ выхлопочу. О чемъ же тутъ разговаривать? Не къ ростовщикамъ же вамъ обращаться! Они васъ одними процентами разорятъ! А мнѣ это не трудно, меня это нисколько не стѣснить... Ей-Богу, вы меня обижаете!

И въ голосѣ Живицкаго прозвучала какъ будто искренняя нота.

— Что жъ, если вамъ не трудно... дѣйствительно, у меня денегъ очень мало осталось... Если можете... пожалуй... дайте сто рублей,—съ трудомъ выговорилъ Ефремовъ.

Живицкій тряхнулъ плечами.

— Ну, что такое сто рублей?.. — заговорилъ онъ.—Вамъ нужно, во-первыхъ, женѣ оставить на докторовъ тамъ, на все прочее... Во-вторыхъ, вамъ нужно старшую дѣвочку устроить и наконецъ самому жить... Что вы со ста рублями будете дѣлать? Возьмите хоть триста!

— Много! Какъ я отдамъ?

— Ахъ, объ этомъ безпокойтесь меньше всего! Въ свое время отдадите! Не безпокойтесь, я самъ получу!

И Живицкій, быстро вынувъ изъ бумажника три сторублевыхъ бумажки, сунулъ ихъ Ефремову. Тотъ крѣпко пожалъ ему руку.

Они вышли на улицу. Погода прояснилась. Подмораживало. Солнце ярко играло на куполѣ собора.

Высокая, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, запряженная въ англійскій шарабанъ, ждала ихъ у крыльца. Грумъ уже сидѣлъ на заднемъ мѣстѣ.

— Садитесь! — сказала Живицкій Ефремову, показывая на шарабанъ, и взявъ вожжи.

Они поѣхали по бульвару. Навстрѣчу имъ неслись автомобили, красивые экипажи, а въ нихъ—нарядныя женщины и мужчины. Ефремовъ смотрѣлъ на все это и думалъ:

„Полчаса тому назадъ какъ было все хорошо на свѣтѣ, а теперь вдругъ для меня все стало такъ мрачно, такъ тяжело... Зачѣмъ? За что?“

VII.

Въ тотъ же день Ефремовъ уже переселился въ гостиницу „Савойя“, устроивъ предварительно свою старшую дочку въ семьѣ чиновника Полевина. Было около семи часовъ вечера.

Ефремовъ сидѣлъ въ свесемъ маленькомъ номерѣ и разбирался въ только-что доставленныхъ ему и пахнувшихъ какой-то дезинфекціей бумагахъ. Передъ нимъ мелькали названія дѣлъ, замѣтки на нихъ. Онъ просматривалъ все это и ничего не понималъ. Всѣ мысли его были у себя дома, гдѣ лежатъ два больныхъ ребенка, гдѣ, рискуя своей жизнью, борется съ ихъ недугомъ самоотверженная мать. И она тамъ одна, и не съ кѣмъ ей подѣлиться своимъ горемъ... И онъ здѣсь одинъ, оторванный отъ нихъ...

„Ахъ, зачѣмъ я раньше не поставилъ телефона? Я бы зналъ малѣйшее измѣненіе въ ходѣ болѣзни дѣтей“, — думалъ онъ.

И опять принуждалъ себя вникать въ разложенныя передъ нимъ бумаги и старался понять, почему за одну и ту же вещь въ одномъ мѣстѣ проставлена одна цѣна, а въ другомъ—иная.

Въ дверь постучали. Вошелъ Францъ

— Баронесса спрашиваетъ васъ, не можете ли вы зайти на минутку къ ней?—передалъ онъ.

И здѣсь, въ отелѣ, всѣ почему-то стали называть Вѣру Андреевну Лихтенбергъ баронессой, вѣроятно — потому, что такъ было короче и внушительнѣе.

— Сейчасъ приду,—сказалъ Ефремовъ.

Черезъ пять минутъ онъ уже входилъ въ номеръ Вѣры. Кромѣ нея, онъ встрѣтилъ тамъ Патрикова и еще двухъ гостей: одинъ военный, его сослуживецъ, но только шапочко съ нимъ знакомый. Другой—штатскій. Этого онъ видѣлъ въ первый разъ. Штатскій былъ приземистъ, съ коротко-остриженной, полусѣдой головой, съ черными усами и очень вульгарнымъ лицомъ. И поэтому къ нему совсѣмъ не шли щегольская визитка, шелковый жилетъ-фантази, лаковые ботинки и всѣ эти перстни, кольца, цѣпочки, брелоки, булавки, которыми казался онъ унизанъ.

Громко, съ замѣтнымъ восточнымъ акцентомъ, назвалъ онъ Ефремову свое имя и фамилію:

А. Васнецовъ. Скоморохи.

Ю. Сычковъ. Деревенская карусель.

— Нерсесь Абрамычъ Ханшіевъ.

— А я вспомнила о васъ, — привѣтливо заговорила Вѣра, обращаясь къ Ефремову. — Вѣдь вы навѣрно забыли пообѣдать, а вѣдь уже восьмой часъ.

Ефремовъ блѣдно улыбнулся и сознался, что дѣйствительно забылъ.

— Ну, вотъ видите. А вотъ мы сейчасъ собираемся обѣдать. Мы ѣдемъ въ ресторанъ, — и она назвала одинъ изъ самыхъ дорогихъ ресторановъ. Хотите?

Ефремовъ замаялся-было, но вмѣшался Патриковъ.

— Ну, что жъ тутъ спрашивать? Конечно, хочеть! — быстро и безапелляционно заговорилъ онъ. — Когда такая чаровница удаиваетъ насъ своимъ вниманіемъ, Боже мой, да за это надо хвататься!

И онъ фамильярно обнялъ Ефремова за талию.

— Ну, такъ ѣдемте, ѣдемте!

Стали собираться. Ефремовъ зашелъ въ свой номеръ, чтобы взять забытый портсигаръ.

„Зачѣмъ я ѣду?“ — задалъ онъ себѣ вопросъ и, ничего на него не отвѣтивъ, вышелъ изъ номера и пошелъ по коридору.

Когда онъ спустился на подъѣздъ, тамъ уже стояло два автомобиля, и сошлась вся компанія. Вѣра Андреевна посадила Ефремова съ собой. Съ ними же сѣлъ и Патриковъ. Офицеръ и Ханшіевъ поѣхали въ другомъ автомобилѣ.

Ефремовъ былъ задумчивъ и грустенъ, и спутники, уважая его настроеніе, оставляли его въ покоѣ и говорили между собой.

Въ ресторанѣ былъ уже приготовленъ большой кабинетъ. Отдѣльный столъ былъ занятъ закусками, разнообразными, вкусными. „Hors d'oeuvre riche“, какъ потомъ значилось въ счетѣ.

Мужчины стали пить водку. Вѣра ѣла только-что полученныя въ этомъ сезонѣ устрицы. Ефремовъ не чувствовалъ никакого аппетита, но сѣлъ ложки двѣ свѣжей икры. Потомъ сѣли за обѣдъ, и началась болтовня.

Патриковъ острилъ: Ханшіевъ какъ-то громко суетился, изображая изъ себя радушнаго хозяина; офицеръ, сослуживецъ Ефремова, „саркастически“ улыбался; Вѣра болтала безъ умолку, сыпля своими парадоксами и неожиданными откровенностями. Ефремовъ почти ничего не ѣлъ и, кажется, самъ того не замѣчая, пилъ вино.

Какая-то томительная апатія охватывала его все болѣе и болѣе. Онъ слушалъ и почти ничего не понималъ. Начинать-было думать, но мысли какъ-то сами обрывались на полусловѣ. Но при этомъ онъ никому не мѣшалъ. Его словно не замѣчали, и это было не пренебрежительное игнорированіе лишняго человѣка, — нѣтъ! Въ отношеніи къ нему чувствовалась какая-то бережливость, какая-то предумышленная деликатность, и если бы Ефремовъ могъ теперь сознавать что-нибудь, онъ, конечно, былъ бы очень благодаренъ за это, но онъ просто духовно отсутствовалъ здѣсь. Да и не только здѣсь, а какъ-то вездѣ. Въ эти минуты онъ не думалъ ни о своемъ домѣ, ни о больныхъ дѣтяхъ, ни о странно сложившейся службѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ, почти ничего не замѣчалъ и не слышалъ.

Не замѣчалъ онъ, какъ Патриковъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, то и дѣло подливаетъ ему въ стаканъ холодное вино; не замѣчалъ онъ, какъ Вѣра минутами пристально всматривается въ него, и при этомъ брезгливая, едва замѣтная, гримаска кривитъ ея губы. Не замѣчалъ онъ и откровенно злыхъ взглядовъ, которые изрѣдка бросалъ на него Ханшіевъ, ни „саркастическихъ“ улыбокъ своего сослуживца.

Онъ — отсутствовалъ.

Обѣдъ длился долго и шумно. Вызывали кого-то по телефону. Къ концу обѣда появилось въ кабинетъ еще новое лицо; тоже военный, въ адъютантской формѣ.

— Такъ ѣдемъ! ѣдемъ! — дошелъ до сознанія Ефремова веселый голосъ Вѣры. — И вы съ нами, конечно! — обратилась она къ нему. — Потому что не могу я оставить васъ одного въ такомъ настроеніи. Вы словно въ воду опущенный!

Ефремовъ покорно согласился. Сначала онъ подумалъ, что собираются уже разъѣзжаться по домамъ, но оказалось, что ѣдутъ въ какой-то загородный увеселительный шантанъ. И ему было совершенно все равно, куда ѣхать. Своего дома у него теперь не было, а оставаться одному дѣйствительно казалось нѣсколько жутко.

На этотъ разъ онъ ѣхалъ въ автомобилѣ съ Ханшіевымъ. Его мѣсто возлѣ Вѣры Андреевны занялъ вновь прибывшій адъютантъ.

Ханшіевъ говорилъ все время съ „сослуживцемъ“. Ефремовъ былъ опять предоставленъ самому себѣ.

Мелькали фонари, звонилъ трамвай, черная широкая рѣка тяжело текла подъ мостомъ. Потомъ аллея парка, голыя, потерявшія уже листву деревья; брызги грязи, какой-то пьяный крикъ... Потомъ ярко освѣщенный подъѣздъ, и они остановились.

„А не пьянъ ли я?“ — мелькнуло вдругъ въ головѣ Ефремова, и онъ почему-то потеръ пальцемъ щеку.

Осязаніе было притуплено, но ноги ступали твердо, и когда онъ немного принудилъ себя, то онъ ясно и отчетливо разглядѣлъ все окружающее. Видѣлъ, какъ адъютантъ обтиралъ платкомъ усы; какъ Патриковъ суетился возлѣ Вѣры, а Ханшіевъ „что-то такое“ распорядился. Донеслись звуки музыки...

На эстрадѣ плясали и кувыркались какія-то двѣ очень откровенно одѣтыя женщины; а на столѣ, который заняла компанія, стояли уже два ведерка съ шампанскимъ, миндаль и фишашки.

И Патриковъ опять наливалъ въ стаканъ Ефремову, и Ефремовъ пилъ, и вино теперь ему нравилось больше, чѣмъ за обѣдомъ. А кругомъ было свѣтло, шумно и какъ будто весело. А главное дѣло была музыка, и такая славная, пѣнящаяся музыка, съ какими-то интимными мотивами, дразнящими нервы и невольно заставлявшими пить и пить.

На минуту, было, ему вспомнился узенькій коридоръ его квартиры, слабо освѣщенный жестяной керосиновой лампочкой, запахъ цикорія... и все это только мелькнуло и сейчасъ же исчезло куда-то...

— Делія, Делія поеть! — сказала возлѣ него Патриковъ.

И Ефремовъ сталъ слушать.

Высокая, красивая женщина съ сильно обнаженной грудью стояла на эстрадѣ и пѣла романсъ. Голосъ у нея былъ громкій, но непріятный. Но зато она имъ умѣла выдѣлывать какія-то особенныя штуки, какіе-то замысловатыя выверты. И это всѣмъ ужасно нравилось, и всѣ аплодировали.

И Ефремовъ аплодировалъ. А когда она повернулась, чтобы уйти съ эстрады, Ефремовъ замѣтилъ, что спина у нея голая до пояса, а на ней ясно обозначаются большія лопатки, и это было некрасиво.

Но Делію заставили пѣть еще нѣсколько разъ. Ефремовъ уже больше не слушалъ. Онъ отвернулся отъ эстрады и увидѣлъ, что адъютантъ съ одной стороны, а Ханшіевъ — съ другой цѣлуютъ руки Вѣры. А та весело смѣется и какъ-то быстро-быстро перебираетъ пальчиками.

И это не понравилось Ефремову, и онъ самъ потянулся къ бутылкѣ и налилъ себѣ вина.

На эстрадѣ въ это время щелкали кастаньеты, и плясала уже испанка. Она отчаянно встряхивала головой и такъ высоко поднимала ноги, что Ефремовъ удивился даже. Онъ не могъ себѣ и представить такой гибкости.

Испанкѣ тоже очень много аплодировали. Испанка выбѣгала, кланялась, плясала, потомъ опять кланялась, опять выбѣгала, опять плясала. И когда это ей надоѣло, она изъ-за кулисы высунула только одну ногу и помахала ею въ воздухѣ. И этому очень много аплодировали.

Кто-то заговорилъ объ ужинѣ, но Вѣра Андреевна сказала:

— Нѣтъ!

...что ужинать она не хочеть, а что сейчасъ ѣдетъ домой, потому что уже поздно, и у нея разбалывается голова.

— А вы оставайтесь! Пожалуйста, оставайтесь! Всѣ оставайтесь. Пригласите къ себѣ Делію и Паккерету, а меня проводить Василий Алексѣевичъ.

Начались-было протесты. Но Вѣра, какъ сказала, такъ и сдѣлала. Всѣ пошли провожать ее. Подали автомобиль, и она сказала Ефремову:

— Ну, садитесь!

И они вдвоемъ понеслись по проспекту. И оба молчали.

Выѣхали на мостъ, свернули по набережной.

— Вамъ тяжело? Вамъ грустно? — участливо спросила Вѣра, беря Ефремова за руку.

Какая-то спазма подступила ему къ горлу. Онъ хотѣлъ-было сказать „да“ и... разрыдался.

Вѣра сняла съ него фуражку и гладила его по волосамъ. Онъ рыдалъ, рыдалъ и никакъ не могъ удержаться. И отъ этихъ рыданій ему становилось все легче и легче. И ему хотѣлось еще рыдать и громко-громко что-нибудь крикнуть. Но онъ не крикнулъ, а только глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Да, тяжело! Очень тяжело!

И онъ самъ теперь не зналъ: отчего ему тяжело? Отъ того ли, что у него больны дѣти, или отъ того, что онъ такъ бѣденъ, или отъ того и другого? Онъ вынулъ носовой платокъ, снялъ очки и отеръ глаза. Потомъ вздохнулъ еще нѣсколько разъ, глубоко и жадно. Потомъ взялъ руку Вѣры и крѣпко поцѣловалъ сквозь перчатку и какъ-то особенно сердечно сказалъ:

— Вы добрая, хорошая! Спасибо вамъ!

Они подъѣзжали къ гостиницѣ „Савойя“.

На первой же площадкѣ они разстались. Вѣра свернула въ коридоръ, а Ефремовъ пошелъ выше.

Придя къ себѣ въ номеръ, Ефремовъ освѣтилъ его и сталъ раздѣваться. Страшная усталость охватила все его члены, и онъ съ наслажденіемъ растянулся на свѣжей постели и потушилъ электричество.

„Однако отчего же это я сегодня нигдѣ не платилъ?“—вспомнилъ онъ вдругъ.

Потомъ передъ его глазами мелькнуло такое знакомое-знакомое, милое лицо его жены, и ему сейчасъ же захотѣлось вспомнить лицо Вѣры. И онъ не могъ... и уснулъ.

VIII.

... — Живицкій несомнѣнно благородный и честный человекъ!—почти вслухъ проговорилъ Ефремовъ и проснулся.

Въ комнатѣ было свѣтло. Онъ вчера забылъ опустить занавѣски, и теперь, оглядывая еще заспанными глазами свой номеръ, видѣлъ, какъ онъ небрежно раздѣвался вчера: сапоги забылъ выставить въ коридоръ; сюртукъ валялся на одномъ стулѣ; скомканныя брюки на другомъ. Подтяжки лежали на полу.

— А я вчера былъ пьянъ,—сказалъ онъ самому себѣ и сдѣлалъ движеніе, чтобы приподняться. Голова его сразу заболѣла, и застучало въ виски.—И сильно пьянъ...—добавилъ онъ и снова откинулся на подушку.

И тутъ еще разъ вспомнилъ, что онъ вчера почему-то нигдѣ и ничего не платилъ.

„Кто же платилъ? Кажется, Ханшіевъ?... А можетъ-быть, и другіе? Вообще, онъ не замѣтилъ, чтобъ гдѣ-нибудь рассчитывались... Надо будетъ узнать, сколько на его долю приходится. Должно-быть — много... Нѣтъ! Онъ не имѣетъ права тратить такъ деньги... У него—семья... У кого же узнать? У Патрикава или у сослуживца?“

Вспомнивъ о сослуживцѣ, онъ тутъ же вспомнилъ, что ему нужно сегодня къ десяти часамъ быть уже на службѣ. Онъ быстро всталъ, покачнулся, схватился рукой за голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ письменному столу, гдѣ лежали его часы. Было четверть одиннадцатаго, а ему нужно было явиться на службу—къ десяти...

— Вотъ и результатъ!—укоря кого-то, прошепталъ онъ.

Торопливо, преодолевая головную боль, началъ онъ умываться и одѣваться. Наскоро выпилъ стаканъ чаю и сбѣжалъ по лѣстницѣ въ швейцарскую. Ему подали записку. Это было отъ швейцара того дома, гдѣ онъ жилъ.

„Барыня просила передать, что все въ томъ же положеніи“,—прочиталъ онъ каракульки швейцара.

Онъ сунулъ записку въ карманъ пальто и вышелъ на улицу. Извозчики, стоявшіе у подъѣзда, запрашивали очень дорого, но ему нельзя было терять времени, онъ вскочилъ на перваго попавшагося и велѣлъ ѣхать поскорѣе.

„Ахъ, надо было бы еще Таню провѣдать! Да теперь когда ужъ? Послѣ присутствія развѣ?—думалъ онъ.—Вотъ они, кутежи-то!“

На службѣ первый, кого онъ встрѣтилъ, былъ сослуживецъ, его вчерашній собутыльникъ, капитанъ Взлезковъ.

— Ахъ, вотъ кстати, капитанъ,—торопливо заговорилъ Ефремовъ.— Не знаете ли вы, кому и сколько я долженъ внести за вчерашнія прегрѣшенія?

— Никому и ничего,—саркастически улыбаясь, отвѣтилъ тотъ.

— То-есть, какъ никому и ничего? Да вѣдь кто-нибудь платилъ же вчера за всѣхъ? Нужно же рассчитаться!

— Все это уже... въ пространствѣ,—отвѣтилъ капитанъ и, какъ-то странно повертѣвъ пальцами передъ своимъ лицомъ, пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

„Да что онъ пьянъ со вчерашняго, что ли?“—подумалъ Ефремовъ, глядя на Взлезкова, спускавшагося со ступеньки на ступеньку странно приплясывающей походкой.

На службѣ его уже ждали. Нужно было подписать нѣсколько бумагъ. Ефремовъ взялся за перо и замѣтилъ, что рука у него предательски дрожитъ.

— Эхъ,—сердито крикнулъ онъ, когда зацѣпившееся за бумагу перо разбрызгало по ней чернила.— Ну, и перья же здѣсь!

— Можно переменить-сь,—предупредительно проговорилъ писарь.

Окончивъ съ бумагами, Ефремовъ надѣлъ пальто и пошелъ въ складъ.

Тамъ его встрѣтилъ Потрашинъ.

— Гдѣ вчерашняя пріемка?—спросилъ онъ.

— Литера К.,—отвѣтилъ Потрашинъ, указывая куда-то рукой впередъ.

— Пойдемъ, покажи! Я хочу просмотрѣть!

Потрашинъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Помилуйте, ваше-родіе! Да вѣдь все уже затюковано къ отправкѣ!—отвѣтилъ онъ.

— Что такъ поторопились?

— Не могу знать. Такъ приказано.

— Все равно! Можно вспороть!

— Нарядъ надо назначить-сь!

Ефремовъ закусилъ губу.

— А кто подписалъ пріемку?—вдругъ спросилъ онъ.

— Капитанъ Взлезковъ.

— Вотъ какъ? Капитанъ Взлезковъ? Отчего же не капитанъ Живицкій? Вѣдь онъ принималъ?

— Не могу знать-сь... Капитанъ Взлезковъ были тутъ же и подписали.

„Что же это за путаница такая?“—подумалъ про себя Ефремовъ и пошелъ обратно въ канцелярію.

Тамъ его попросили въ кабинетъ капитана Живицкаго.

„Панъ пулковникъ“ встрѣтилъ его необычайно радушно. Онъ протянулъ ему обѣ руки и самъ подставилъ стулъ.

— Ну, что, дорогой мой, вчера кутнули, кажется, малость?—участливо заговорилъ онъ, поправляя свои холеные усы.

— Да-а, былъ грѣхъ... Но вотъ въ чемъ дѣло, Викторъ Адамовичъ, не можете ли хоть вы мнѣ разъяснить, кому я долженъ внести свою долю?—закуривая папиросу, обратился къ нему Ефремовъ.

— Право, не знаю... Кто тамъ былъ?

— Да были Патриковъ, Взлезковъ, Ханшіевъ и какой-то адъютантъ, фамиліи котораго я не разлышалъ.

— Ну, Ханшіевъ, вѣроятно, и заплатилъ.

— Такъ мнѣ надо съ нимъ рассчитаться...

— Успѣете. Торопитесь некуда... А вотъ, кстати: жена просила звать васъ сегодня къ намъ обѣдать, запросто, по семейному. Кромѣ Вѣры, кажется, никого и не будетъ. Вѣдь вы никуда сегодня не общали?

— Положимъ, никуда, но...

— Ну, какія тамъ „но“! Не обѣдать же вамъ одному въ ресторанѣ! Мы сегодня садимся пораньше,—продолжалъ онъ, не давая Ефремову возразить:—въ шесть часовъ, потому что наши дамы, кажется, сегодня куда-то въ театръ собираются... Такъ вотъ, пожалуйста... къ шести часамъ пріѣзжайте!

Со службы Ефремовъ поѣхалъ на квартиру чиновника Полевина. Таня, увидавъ отца, стремительно бросилась къ нему на шею, обхватила ее своими худенькими ручонками и горько заплакала.

— О мамашѣ очень тоскуетъ и о сестрицахъ,—пояснила госпожа Полевина.

Ефремовъ самъ чуть не прослезился, но сдержался, чтобы еще болѣе не разстроить дѣвочку.

Онъ цѣловалъ ее, успокаивалъ, говорилъ, что сегодня не

Ж. Клеренъ. Карнавалъ.

Памяти Пушкина.
Къ 75-лѣтію дня кончины,
29 января 1837—1912 г.

Памятникъ надъ могилой въ Святыхъ
Горахъ.

Пушкинъ въ гробу.

Домъ, въ которомъ скончался Пушкинъ,
(На набережной Мойки, № 12).

Одинъ изъ пистолетовъ, на которыхъ дрался на дуэли
Пушкинъ съ Дантесомъ.

Памятникъ на мѣстѣ дуэли, у
Коломяжскаго ипподрома, въ
окрестностяхъ Петербурга.

Перевезеніе тѣла Пушкина въ Святія Горы. Картина А. Наумова.

Дантесъ, убійца Пушкина.

успѣлъ, а завтра непременно привезетъ новыхъ игрушекъ, что Муся и Ляля скоро выздоровѣютъ, и они опять будутъ все вмѣстѣ. Потомъ сунулъ Полевиной десять рублей—„на лакомства для Танечки“—и поѣхалъ къ Живицкимъ.

Было уже безъ четверти шесть.

Кромѣ Вѣры Андреевны, у Живицкихъ дѣйствительно никого не было, и встрѣтили его тамъ ужъ совсѣмъ какъ своего человека. За обѣдомъ разговоръ поддерживали преимущественно дамы. Сестры спорили между собой, при чемъ Вѣра доказывала, что узкія юбки стѣсняють движеніе.

— Но зато хорошо обрисовываютъ формы,—возражала ей Надежда Андреевна.

— И совсѣмъ не хорошо, потому что страшно обманываютъ. Самый лучший костюмъ, это—греческій пеплумъ.

— Но не станешь же ты здѣсь носить пеплумъ,—пожимала плечами Надежда Андреевна.

— Отчего не стану? Непременно стану!—настаивала Вѣра.— Вотъ это дѣйствительно и красиво, и свободно, и честно.

— И даже честно?—усмѣхнулся Живицкій.

— Непременно честно, безъ обмана, каждый изгибъ ноги виденъ, каждая...

И тутъ Вѣра пошла на такія откровенности, что старшая сестра нашла нужнымъ остановить ее.

— Вѣра! Вѣра!—укоризненно проговорила она и указала глазами на Ефремова.

Вѣра улынулась и сказала:

— Ничего! Онъ—свой.

И отъ этихъ словъ Ефремову стало тепло и уютно въ этой теплой и уютной столовой, за этимъ прекрасно сервированнымъ столомъ, съ этими красивыми и изящно одѣтыми женщинами.

„Вотъ такъ бы всегда!“—мелькнуло у него въ головѣ, и сейчасъ же вспомнились его собственная, скудная, почти мѣщанская обстановка, старенькій капотъ его жены, неряшливая прислуга.

„Скверная вещь—бѣдность!“—проговорилъ про себя Ефремовъ.

А Живицкій, словно подслушавъ его мысль, закончилъ:

— Да, конечно! Все это такъ, но... полуголыми ходить могутъ люди только богатые. Бѣднымъ приходится одѣваться по-теплѣе.

И самъ разсмѣялся надъ своимъ афоризмомъ.

Послѣ обѣда дамы стали торопливо собираться въ театръ. Ефремовъ хотѣлъ-было идти домой, но Вѣра горячо запротестовала:

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы ѣдете съ нами! И Викторъ и вы.

— Мнѣ бы нужно кое-какимъ дѣломъ позаняться,—началь- было Ефремовъ.

Но Живицкій хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Ну, дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ!

Въ каретѣ, куда они уѣхали вчетверомъ, было тоже и тепло, и уютно, и пахло хорошими духами. Въ театрѣ, въ ложѣ, Ефремовъ сидѣлъ сзади Вѣры и, глядя на декольтированный бюстъ ея, думалъ:

„Съ такими плечами, конечно, можно и пеплумъ носить“.

Въ антрактахъ заходили знакомые. Побывалъ, между прочимъ, и Ханшіевъ. И когда онъ вышелъ изъ ложи, Ефремовъ бросился за нимъ въ коридоръ.

— Скажите, пожалуйста, сколько я вамъ долженъ?—торопливо спросилъ онъ его.

— Мнѣ? Вы? Должны? Ровно ничего!—дѣлая удивленное лицо, проговорилъ Ханшіевъ.

— А за вчерашній обѣдъ и прочее?

Ханшіевъ весело разсмѣялся:

— Ну, это чтѣ! Это въ другой разъ какъ-нибудь сочтемся!

И, кивнувъ головой, побѣжалъ къ себѣ въ партеръ.

Послѣ спектакля „нужно“ было ѣхать ужинать.

— Сегодня я хочу совсѣмъ скромно,—сказала Вѣра.—По семейному, вчетверомъ.

Поѣхали въ ресторанъ. Но скромность не удалась. Къ ихъ столу присоединилось еще нѣсколько человекъ знакомыхъ, появились ведерки съ шампанскимъ, то заунывно, то весело играли румыны... Засидѣлись до четырехъ часовъ утра.

„Неужели такъ каждый вечеръ?—думалъ Ефремовъ, про- стившись съ Вѣрой въ коридоръ и идя къ себѣ въ номеръ.— Когда же работать? Когда же служить? И въ концѣ концовъ во что же это можетъ обойтись?“ Сегодня ему удалось заплатить свою долю: двадцать восемь рублей съ копейками.

Назавтра Вѣра пригласила его на скэтингъ-ринкъ, а послѣ скэтинга—ужинать къ Живицкимъ. Стало-быть, опять будутъ карты... Стало-быть, опять до трехъ-четырехъ часовъ...

Онъ вошелъ къ себѣ въ номеръ. На столѣ лежала записка, писанная рукою его швейцара:

„Барыня просили передать, что все въ томъ же положеніи, только Мусинькѣ хуже“.

Ефремовъ опустился на стулъ и схватился за голову руками.

— Господи! Господи! Да чтѣ же это такое?—застоналъ онъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хамаль Гассанъ.

Очеркъ изъ персидской жизни Н. Соловкина.

I.

Послѣдній пятипудовый мѣшокъ съ сахаромъ сброшенъ въ киржимъ¹⁾. Шелестя сѣрымъ дырявымъ парусомъ, медленно отдѣлился онъ отъ старой деревянной пристани и заколыхался по направленію къ Пиръ-и-Базару²⁾. Мимо поплыли грязныя, низенькія лавчонки, невысокія деревянныя строенія, караванъ-сарай, конторы, расположенныя вдоль набережной персидскаго порта Энзели. Крики нестройной толпы хамалей³⁾, снующихъ взадъ и впередъ по трапамъ и сходнямъ парашодовъ, грохотъ паровыхъ лебедокъ, спускающихъ въ темные прожорливые трюмы сотни тысячъ батманъ⁴⁾ риса и хлопка, восклицанія лодочниковъ, зазывающихъ на свои маленькіе киржимы прохожихъ, спѣвающихъ на Казьанскій берегъ,—постепенно стихали, оставаясь позади.

Жаркій день занимался надъ зеркальной гладью Мурдъ-Аба⁵⁾.

По обѣимъ сторонамъ, насколько хватало глазъ, разстилался зеленый коверъ молодыхъ зарослей камыша. Справа въ далекой расходящейся голубоватой дымкѣ вырисовывались тонкія, нѣжныя очертанія синеватыхъ Эльборусскихъ горъ. Въ солнечныхъ лучахъ ярко сверкали ослѣпительно-бѣлые пласты снѣга, залегшаго въ ложбинахъ гордыхъ вершинъ. Сзади на зеленомъ фонѣ апельсиновыхъ и лимонныхъ роцъ небесными силуэтами намѣчались строенія Энзели.

По Мурдъ-Абу, какъ бѣлыя чайки, быстро скользили киржимы,

идущіе подъ парусами попутникомъ къ Пиръ-и-Базару. Возвращавшіяся обратно лодки шли медленно, подъ лѣнивыми взмахами длинныхъ лопатчатыхъ веселъ въ рукахъ полуголыхъ гребцовъ. Стаи дикихъ птицъ, гусей, утокъ, чаекъ носились надъ заливомъ, скрываясь за дальними камышами.

Воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ свѣжаго весенняго утра, сочной травы, ярко-зеленыхъ деревьевъ, роскошными раскидистыми кучами низко склонившихся къ берегу.

II.

Старый киржимъ безшумно скользилъ по водѣ, держа привычный курсъ къ рѣчкѣ Сія-Рудборъ, чтобы по ней бечевой протянуться къ Пиръ-и-Базару.

Два оборванныхъ грязныхъ перса составляли всю команду этой огромной старой лодки, перевезшей на своемъ вѣку не одну сотню тысячъ батманъ всевозможнаго груза.

— Иншалла,—воды много,—проговорилъ одинъ изъ персовъ.— Я думалъ, что гермичь¹⁾ не дастъ намъ хорошо нагрузить киржимъ... Пишнамазъ²⁾ искендеръ сказалъ мнѣ вчера, что, по его наблюденіямъ, вода долго еще продержится высоко... Возьми лѣвѣе, Юсуфъ.

— Пишнамазъ—святой человекъ,—его словамъ можно вѣрить,— лѣниво отозвался кормщикъ, налегая на руль.

— Груза теперь много... Урусы³⁾ завалили сахаромъ всю тачку... Работы надолго хватить намъ. Слушай-ка, а вѣдь Гассанъ пересталъ шевелиться и не стонетъ... Ужъ не взялъ ли Аллаха его душу?..—Съ этими словами персъ приподнял край пустого грязнаго мѣшка, служившаго одѣяломъ лежащему на днѣ киржима человекъ.

¹⁾ Гермичь—горный вѣтеръ.

²⁾ Пишнамазъ—духовное лицо, въ родѣ нашего діакона.

³⁾ Урусы—русскіе.

¹⁾ Киржимъ—туземная плоскодонная лодка.

²⁾ Пиръ-и-Базаръ—складочный грузовой пунктъ въ 8 верстахъ отъ города Решта для товаровъ, идущихъ черезъ Энзели (персидскій портовый городокъ на южномъ берегу Каспійскаго моря).

³⁾ Хамаль—по-персидски означаетъ носильщикъ тяжестей, грузчикъ.

⁴⁾ Батманъ—персидская вѣсовая мѣра, равная приблизительно 14 фунтамъ.

⁵⁾ Муръ-Абъ—заливъ „Мертвая Вода“, образуемый небольшой рѣчкой Сія-Рудборъ; русское названіе его на картахъ—Энзелийскій заливъ.

III.

Изъ-подъ грубаго сѣраго холста выглянуло желтое, изможденное лицо съ заострившимися скулами, горящими яркимъ лихорадочнымъ блескомъ, ввалившимися глазами. Тонкія безкровныя губы беззвучно шевелились. Одѣтъ онъ былъ въ рваное рубище, и сквозь смрадные, истлѣвшія лохмотья проступало темное исхудавшее тѣло. Вотъ уже мѣсяць, какъ онъ слегъ въ той непонятной страшной болѣзни, которая такъ часто сваливаетъ лодочниковъ и хамалей, живущихъ на этой рѣкѣ, и мучительно разбиваетъ все тѣло въ тяжелой истомѣ жара. Какой-то ядъ, тонкій и неуловимый, но властный, какъ судьба, поднимается отъ топкихъ болотистыхъ береговъ, въ тяжелыхъ мглистыхъ ночныхъ испареніяхъ, отъ мутныхъ, тусклыхъ разливовъ рѣки и отравляетъ медленно и вѣрно ихъ истомленные, изъѣденныя экземой и чесоткой, тѣла. Какъ истые правовѣрные, Юсуфъ и Зейналъ возили больного Гассана въ Энзели, гдѣ онъ отъ пишамаза получилъ фатью (благословеніе), а отъ благочестиваго хаджи ¹⁾ — священный нефесъ ²⁾. Теперь Гассанъ можетъ спокойно умереть въ своей старой, полуразвалившейся хижинѣ на сыромъ и топкомъ берегу рѣки...

Гассанъ даже не почувствовалъ, какъ амбалы перенесли его въ камышевую, давно знакомую, хижину, затерявшуюся въ густыхъ заросляхъ молодого камыша. Киржимъ мелькнулъ на мигъ и исчезъ за крутымъ изломомъ глинистаго берега. Только вечеромъ вернутся Юсуфъ и Зейналъ и примутся готовить свой „пловъ“.

IV.

Неясной, обрывающейся чредой, но болѣзненно ярко и выпукло проходятъ мысли въ воспаленномъ мозгу Гассана. Какъ въ полуснѣ, онъ снова видитъ себя бодримъ и сильнымъ.

...Вотъ онъ гребетъ, то привставая, то садясь на скамью большого неуклюжаго киржима, выходящаго въ буруны, навстрѣчу грузовому пароходу...

Вотъ онъ молодымъ юношей, мускулистымъ и сильнымъ, на пристани въ Бендеръ-Гязи. Бодро бѣжитъ по длинной деревянной пристани съ шестипудовымъ тюкомъ хлопка на спинѣ, чуть придерживая его небольшимъ желѣзнымъ крюкомъ. Надо добѣжать до лодки, сбросить на нее тюкъ и снова бѣжать на таможенный дворъ, гдѣ этого хлопка навалены горы...

Въ тотъ годъ ихъ много, здоровыхъ и мускулистыхъ, парней пришло въ Бендеръ-Гязь ³⁾ на заработки изъ Сари ⁴⁾... Эхъ... развѣ нельзя бѣдному амбалу заработать нѣсколько кранъ ⁵⁾?

V.

Гассанъ быстро втянулся въ трудовую тяжелую жизнь амбала ⁶⁾ со всеми ея горестями, такъ какъ радостей въ ней не было никакихъ. Его стройное, выносливое тѣло было какъ бы нарочно приспособлено къ этому безконечному трудовому дню раба, къ переноскѣ огромныхъ пяти-и шестипудовыхъ тюковъ товара.

Жизнь съ ея многоцвѣтной, многогранной сложностью проходила мимо него... Ему некогда было даже и думать по пятницамъ посѣщать мечеть, совершать все тонкости намаза, предписываемыя Кораномъ, о которыхъ съ такой степенностью и разсудительностью разсуждаютъ правовѣрные. Да и гдѣ тутъ совершать намазъ, когда надсмотрщикъ больно бьетъ гибкой камышевой палкой по икрамъ и торопитъ бѣжать скорѣе съ грузомъ, чтобы пароходъ въ-время ушелъ въ море?

И такихъ, какъ онъ, много... Цѣлыя тысячи... Ежедневно подъ шумъ и грохотъ желѣзныхъ якорныхъ канатовъ, лязгъ лебедокъ, пыхтѣніе паровыхъ машинъ они грузятъ безчисленные тюки и мѣшки товаровъ, и все это идетъ въ невѣдомые края, въ неизвѣстныя страны. Дальше Баку, Ленкорани, Астрахани, Красноводска познанія Гассана не простирались. Да и о своей странѣ онъ зналъ немного, и не было въ немъ желанія другой жизни, — слишкомъ она казалась чуждой и странной, а между тѣмъ тутъ все было такъ ясно и понятно... Гассанъ зналъ, что и въ тѣхъ другихъ портовыхъ городахъ также живутъ амбалы, и тамъ много ихъ, но самъ онъ не бывалъ тамъ, и его не тянуло, какъ многихъ его товарищей, въ другія мѣста. Жизнь бросила его въ Бендеръ-Гязь, и, влекомый голодомъ, онъ покорно тянулъ свою тяжелую колесницу раба, не думая о томъ, что завтра, надорванный, упадетъ, и по его, еще дышащему, тѣлу побѣгутъ другіе молодые и сильные люди, такіе же язычески бездушные рабы труда, жестокие, какъ лѣсные звѣри, готовые перервать другъ другу горло своими бѣлыми клыками изъ-за куска свѣжаго мяса...

VI.

...Застоналъ и перевернулся, съ огромнымъ усиленіемъ, на другой бокъ, — захотѣлось пить. Приподнялся на локтѣ и жадно припалъ

къ чашкѣ съ теплой и мутной водой. Надъ нимъ вились стан комаровъ и москитовъ и, сладострастно вздрагивая, вытягивали горячую больную кровь, вонзая въ темное, изъѣденное экземой и лишаями, тѣло свои трепещущія тонкія жала. Сквозь широкія щели въ стѣнахъ и крышѣ хижины виднѣлось ясное голубое небо. Вблизи въ топкихъ болотистыхъ берегахъ бѣжала рѣка — нѣмой свидѣтель долгихъ лѣтъ унылой жизни Гассана.

Было пустынно и тихо, и безграничнымъ спокойствіемъ, загадочнымъ и темнымъ, вѣяло отъ заброшенныхъ молчаливыхъ береговъ, отъ камышей, въ которыхъ затерялась разваливающаяся хижина, гдѣ на старой, смрадной цыновкѣ стоналъ и метался умирающій человекъ.

VII.

Снова нить далекихъ воспоминаній вытянулась въ воспаленномъ мозгу... Давно это было... Какъ долго тянется жизнь человека... Счастливы тотъ, кто уходитъ скоро и незамѣтно...

...Яснымъ весеннимъ утромъ на Бендеръ-Гязьской пристани остановился сѣдобородый степенный персъ въ длинной черной одеждѣ.

Пытливимъ взглядомъ онъ окинулъ сильную фигуру Гассана, словно оцѣнивая его крѣпкіе мускулы.

— Нуеръ-Атъ-Улла, — обратился онъ къ своему спутнику, молодому красивому персу, въ маленькой черной шапочкѣ: — напѣ кормщикъ Адулла заболѣлъ?

— Сахибъ ¹⁾, Аллахъ взялъ его душу въ день нашего отбѣзда изъ Энзели, — отвѣтилъ, подобострастно изгибаясь, молодой персъ.

— Тогда возьмите на его мѣсто этого хамала. Изъ него выйдетъ отличный кормщикъ... Эй, хамаль, подойди сюда!

Гассанъ робко приблизился, низко кланяясь. Онъ чувствовалъ, что его судьба рѣшается въ эту минуту.

— Хочешь на киржимѣ работать, хамаль?

— Да будетъ благословенъ Аллахомъ добрый сахибъ, который такъ милостивъ къ бѣдному хамалу.

— Я беру тебя на свой киржимъ въ Энзели сначала гребцомъ, а потомъ, когда подучишься, сдѣлаю кормщикомъ.

Все амбалы, столпившіеся вокругъ стараго перса, завидовали судьбѣ Гассана.

— Хорошо заработаетъ теперь. Поди, крановъ пять въ день дастъ ему этотъ богатый и важный купецъ.

VIII.

Новая жизнь наступила для Гассана. Море цѣликомъ захватило его нетронутую первобытную душу, — море, то ласковое, спокойное, то мятежное, бурное. Борьба съ вѣчно беспокойными, измѣнчивыми волнами какъ нельзя болѣе подошла къ его дикой, огромной силѣ.

Ему нравилось въ буруны, стоя на рулѣ, зорко слѣдить, чтобы большой, неуклюжий, стонущій по всемъ скрѣпамъ, киржимъ не поставило по волнѣ и не перевернуло сѣдымъ гребнемъ буруна.

Острымъ, напряженнымъ взглядомъ впивался онъ въ катящиеся громадные зеленовато-прозрачные валы, которые гнѣвно обрушивались на старый досчатый киржимъ, словно желая разбить его въ щепы о зыбучую песчаную отмель. Но Гассанъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ этой тяжелой, казалось бы, неравной борьбы.

— Йя-Алла, Магома, — вырывался крикъ изъ его крѣпкой, широкой груди, и восемь полуголыхъ мускулистыхъ гребцовъ, покорные его волѣ, разомъ бросали въ зыбящуюся огромная волны свои длинныя лопатчатые весла. Мгновенно киржимъ выравнивался и дерзко и смѣло взлеталъ на пѣнящійся гребень высокой волны и въ слѣдующую минуту падалъ въ кипящую бездну...

Гассанъ скоро приобрѣлъ извѣстность перваго кормщика въ Энзели, и иногда по вечерамъ, пересчитывая скопленные золотые туманы ²⁾, которые тщательно пряталъ въ своемъ широкомъ поясѣ, уже подумывалъ о женитьбѣ, какъ вдругъ пришла бѣда... Эхъ... Трудно жить на свѣтѣ... Аллахъ испытываетъ правовѣрныхъ въ несчастьяхъ, — говорятъ муллы... Навѣрное они правы, эти люди, отдавшие себя на служеніе Аллаху, на истолкованіе его святой воли... Аль-Хамду-Лилля ³⁾...

IX.

Поздно вечеромъ съ моря пришелъ пароходъ, но ни одинъ киржимъ не рѣшился выйти къ нему — такъ страшно ревѣли буруны. Грозный гулъ ихъ былъ такъ силенъ, что на берегу люди должны были нагибаться другъ къ другу, чтобы быть услышанными.

Море кипѣло и пѣнилось, какъ въ гигантскомъ котлѣ, и бѣлый поясъ буруновъ словно снѣгомъ покрылъ входъ въ заливъ.

Гассанъ нѣсколько разъ выходилъ на берегъ, смотря, какъ на рейдѣ блестятъ одинокіе огни парохода.

Когда онъ въ послѣдній разъ подходилъ къ Солнечной башнѣ ⁴⁾, послѣ обычнаго стаканчика крѣпкаго чая въ чай-ханѣ ⁵⁾ Решида, его торопливо нагналъ гулямъ ⁶⁾ Хуссейнъ.

¹⁾ Сахибъ — господинъ.

²⁾ Туманъ — персидская монета, равная приблизительно двумъ рублямъ.

³⁾ Да будетъ благословенно имя Божіе!

⁴⁾ Солнечная башня — Имзетъ-э-шамсъ. Это — достопримѣчательность Энзели: восьмиугольная высокая башня, которая теперь уже развалилась, но была очень красива оригинальной арабской архитектурой, съ массой фресокъ и своеобразной персидской орнаментикой. Расположена она была въ городскомъ саду — багъ-доулетъ.

⁵⁾ Чай-ханэ или чай-чи — чайная.

⁶⁾ Гулямъ — слуга.

¹⁾ Хаджи — паломникъ по Святымъ мѣстамъ, побывавшій въ Меккѣ.

²⁾ Нефесъ — священное дыханіе. Духовныя лица — хаджи, дервиши — творятъ молитву и дышатъ въ лицо больному. Одно изъ средствъ для его исцѣленія или облегченія въ восточной медицинѣ.

³⁾ Бендеръ-Гязь — портъ Астрабада, крѣпости и губернскаго города сѣверной персидской провинціи, носящей то же имя.

⁴⁾ Сари — одинъ изъ большихъ и цвѣтущихъ городовъ Мазендарана, провинціи сѣверной Персіи.

⁵⁾ Кранъ — персидская монета, равная по курсу приблизительно 18 копейкамъ.

⁶⁾ Амбаль или хамаль — одно и то же: грузчикъ. Въ Персіи два главныхъ нарѣчій — фарсидское и тюрко-азербейджанское: хамаль — по-фарсидски, амбаль — по тюрко-азербейджанскому нарѣчю. Въ русскихъ портахъ больше принято тюрко-азербейджанское нарѣчье, какъ-то: въ Баку, Петровскѣ, Астрахани, Красноводскѣ, Ленкорани. Въ персидскихъ портахъ преобладаетъ фарсидское нарѣчье.

Марія Тальони въ балетъ „Дѣва Дуная“.
Съ рѣдкой литографіи.

Фанни Эльслеръ.
(Съ гравюры Александра Лакоши).

Руфь С.-Дени.
Индійская танцовщица.

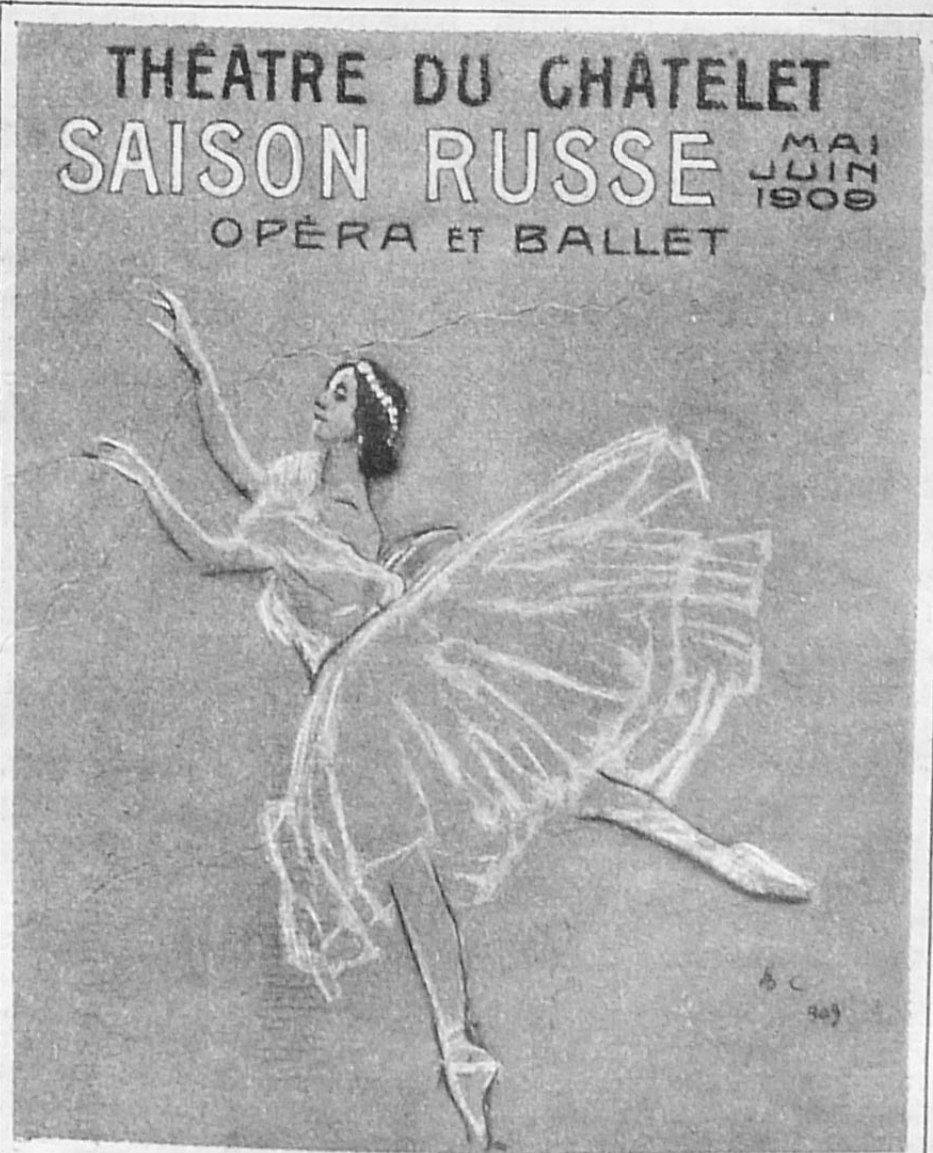

В. Сѣровъ. Портретъ М. Фокина.

Т. Карсавина. („Коломбина“ изъ балета
„Карнаваль“).

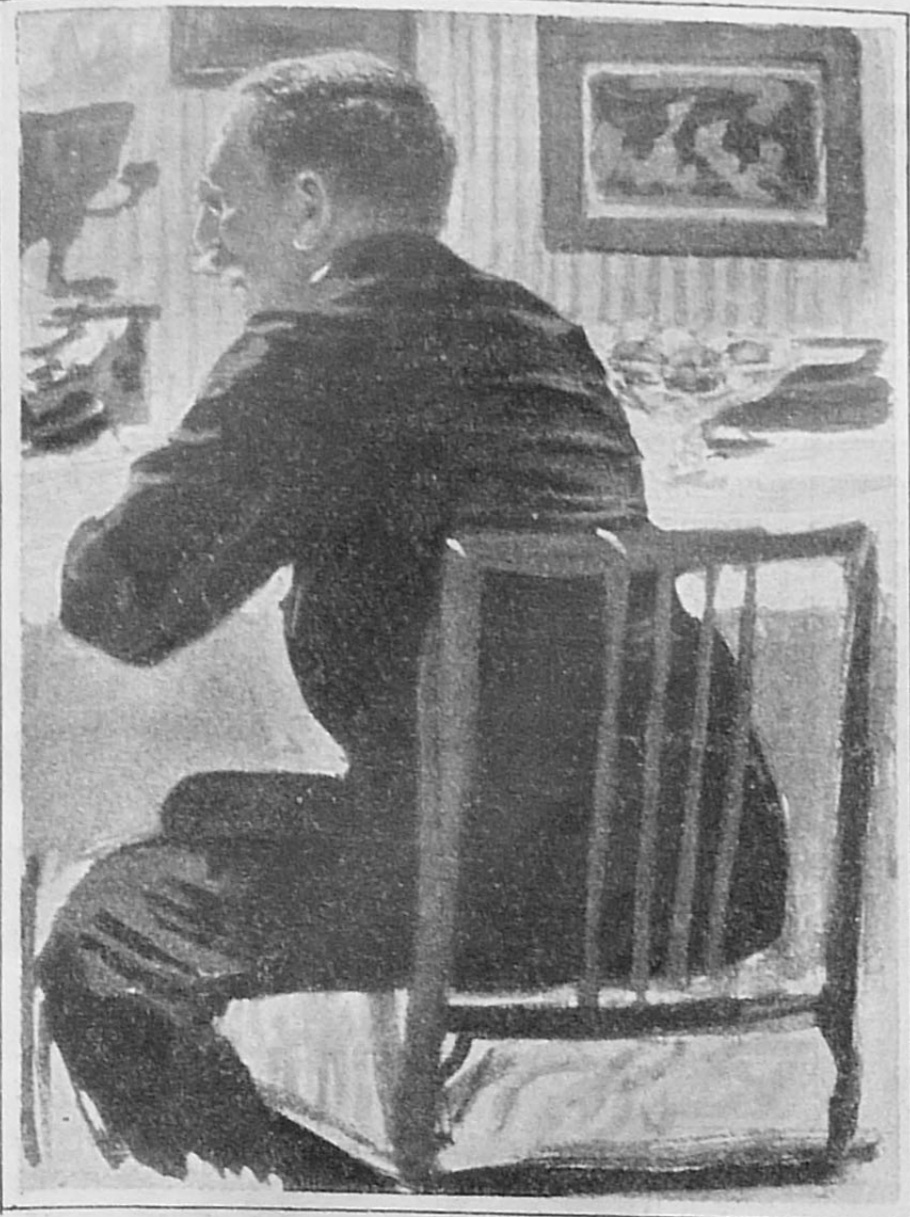
„Современный балетъ“ В. Я. Свѣтлова.
Издание Т-ва Голице и Вильборгъ.

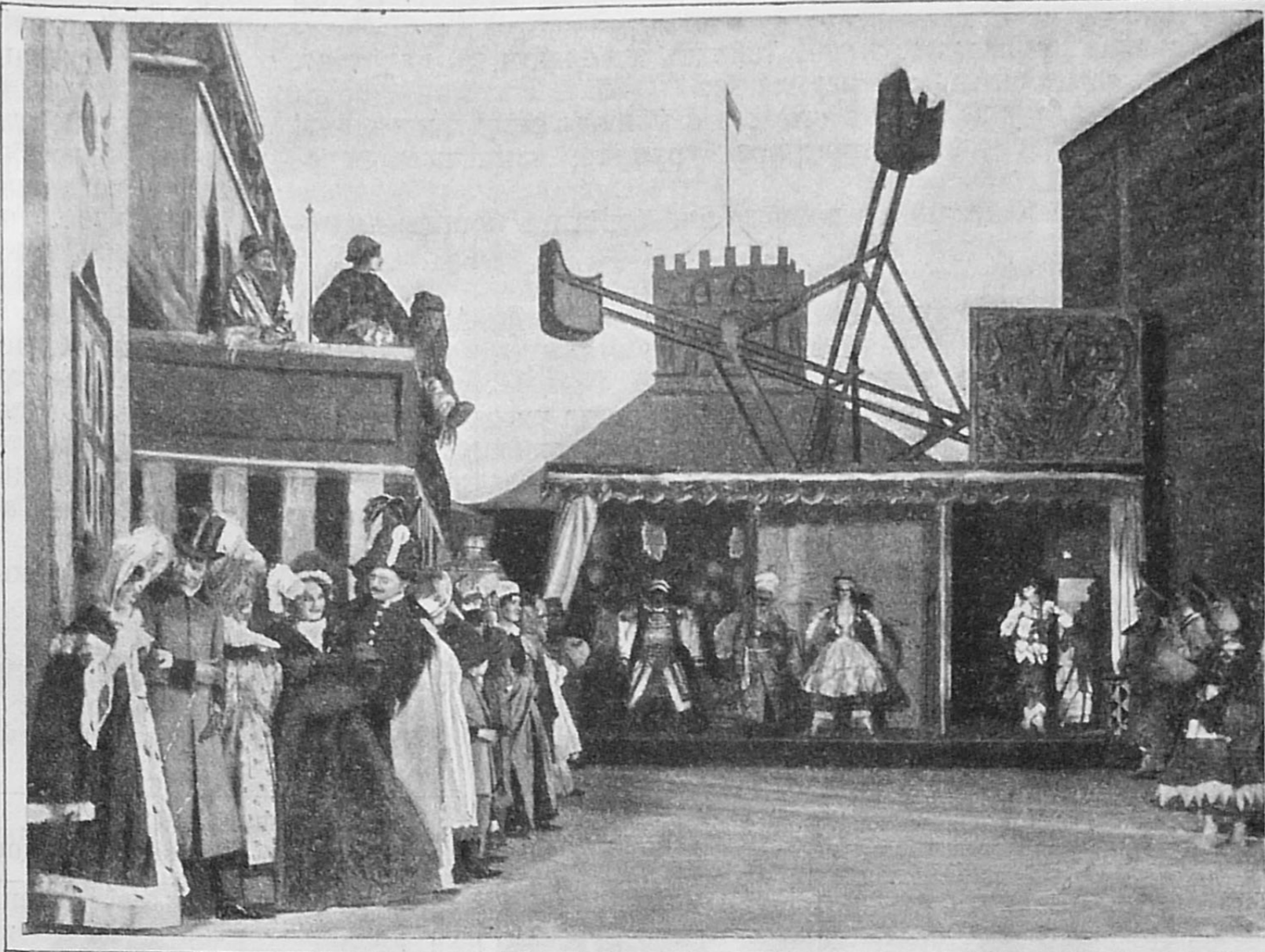
В. Сѣровъ. Плакатъ для русскихъ спектаклей въ Парижѣ въ 1909 г. (А. Павлова въ балетѣ „Сильфиды“).

В. Нижинскій въ балетѣ
„Видѣніе Розы“.

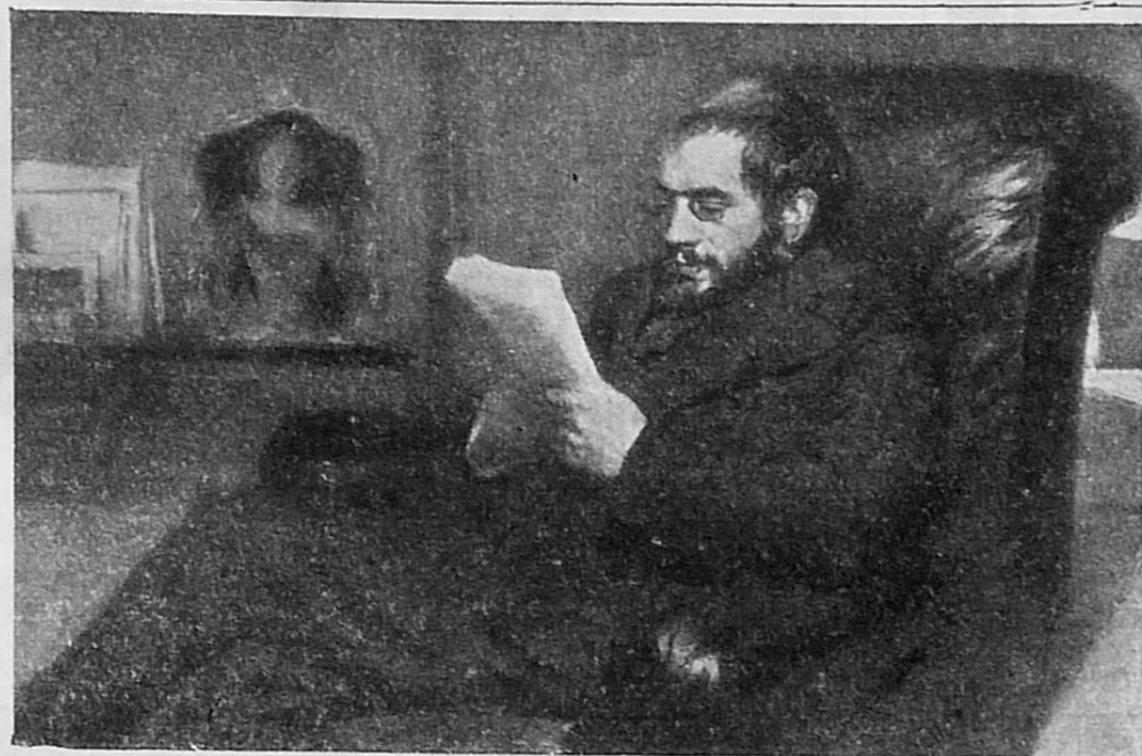
Б. Кустодієвъ. Портретъ художника Л. Бакста.

Александръ Бенуа. Балетъ „Петрушка“. Петербургскіе балаганы.
Декорація 1-й картины.

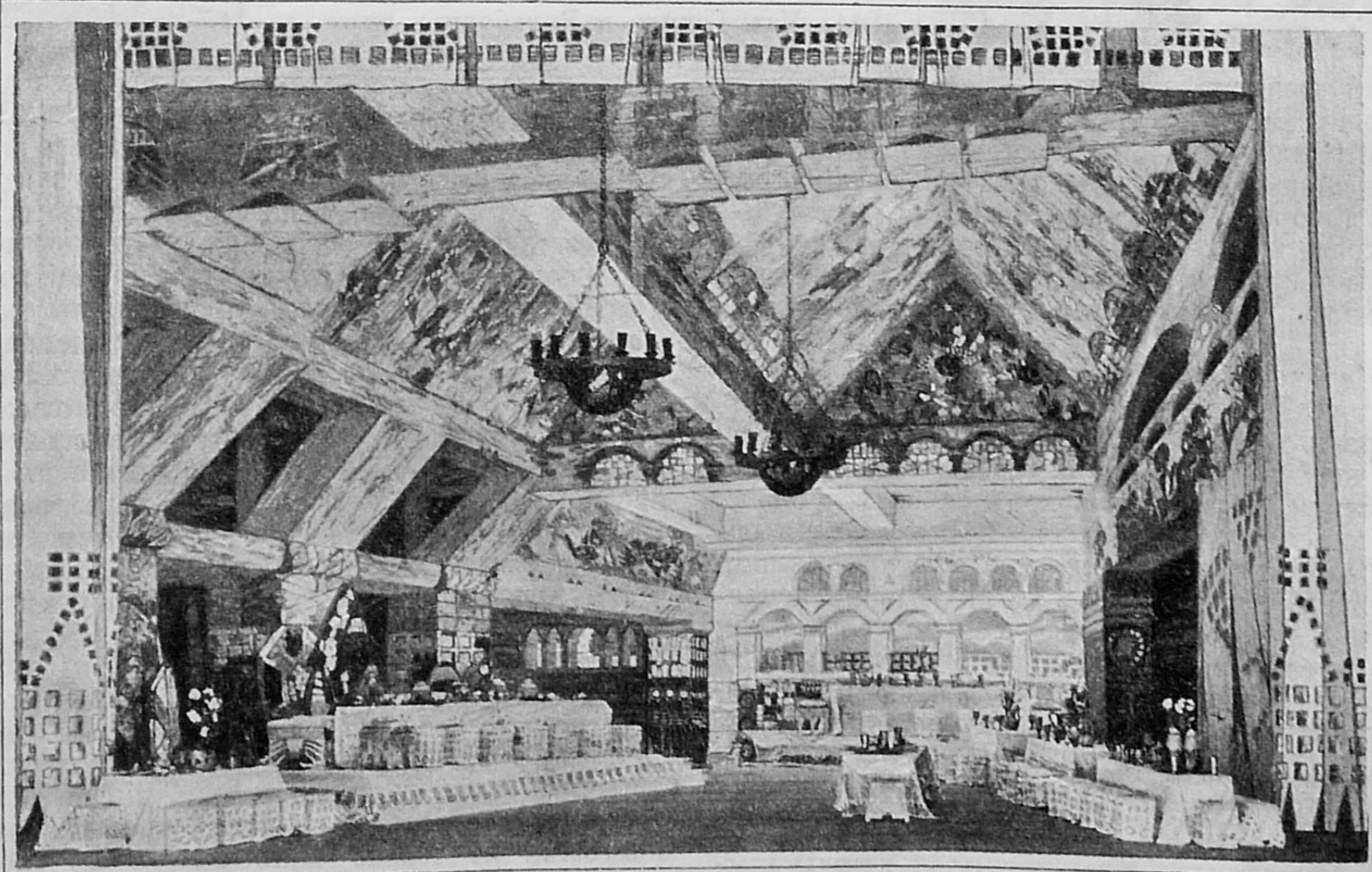
Художникъ К. Коровинъ.

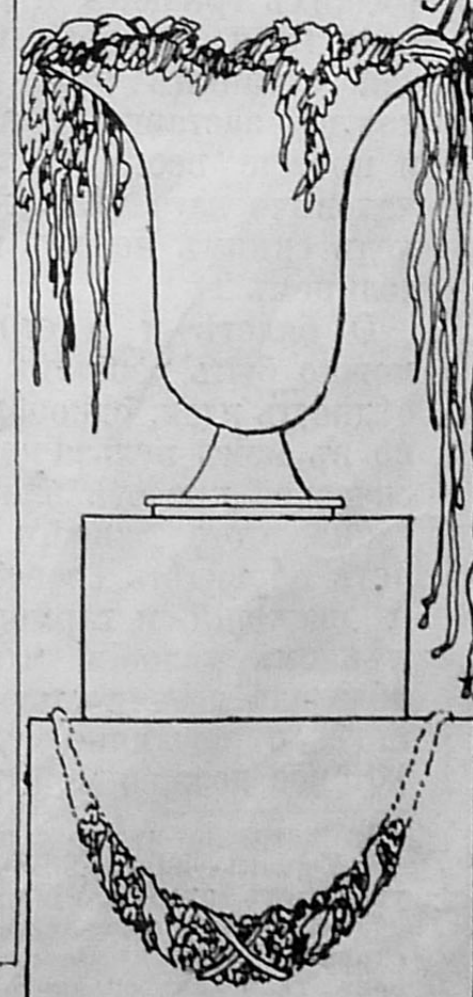
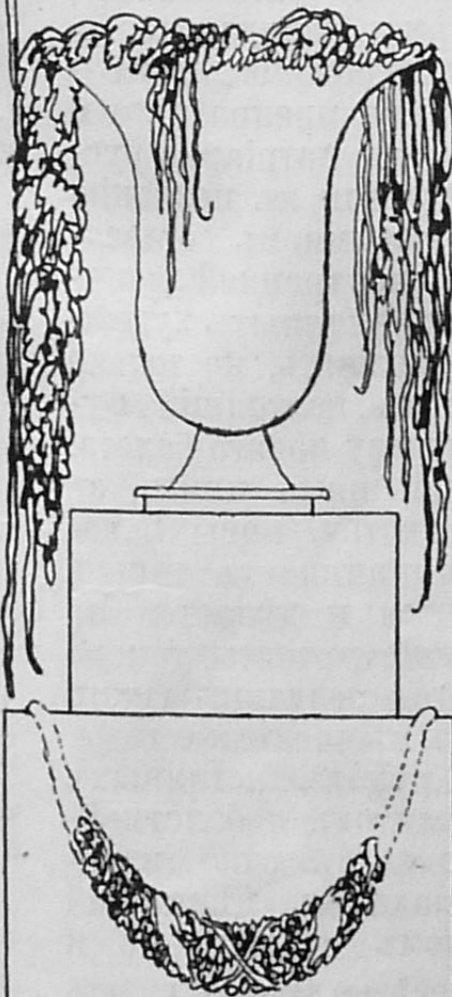
Л. Бакстъ. Портретъ художника Александра Бенуа.

Художникъ А. Головинъ.

К. Коровинъ. „Пиръ“. Декорація 1-го акта оперы „Русланъ и Людмила“.

— А я тебя давно ищу, Гассань.

— Заглянулъ бы въ чай-чи Решиды: я всегда тамъ сижу въ это время.

— Хозяинъ приказываетъ тебѣ сейчасъ же выйти къ пароходу. Гассань остолбенѣлъ отъ изумленія:

— Шайтанъ, вѣрно, съѣлъ его мозги, или онъ оглохъ и ослѣпъ! Вѣдь мы не дойдемъ и до середины буруновъ, какъ насъ перевернетъ.

— Такова воля хозяина, — равнодушно отвѣтилъ гулямъ: — я передаль тебѣ ее.

— А что онъ дѣлаетъ сейчасъ?

— Сидитъ въ эндерунѣ ¹⁾. У него гости — Лютфъ-Али-ханъ и Юзбаши-ханъ.

— Теріакъ ²⁾, поди, курятъ?

— Да, я подаль имъ по второй трубкѣ, когда уходилъ за тобой.

Гассань понялъ, что итти и втолковывать хозяину объ опасности — бесполезно, такъ какъ упрямый старикъ всегда настоятъ на своемъ или просто не приметъ Гассана, хотя онъ и считался его любимцемъ.

— Иншалла ³⁾... Быть бѣдѣ, — пробормоталъ Гассанъ и пошелъ къ пристани, гдѣ его уже ждали гребцы.

X.

Когда киржимъ присталъ къ борту парохода, Гассанъ не повѣрилъ себѣ и оглянулся назадъ, гдѣ въ вечерней мглѣ блестяли далекіе огни города и несся зловѣщій ропотъ буруновъ. Онъ невольно вздрогнулъ, когда вспомнилъ, какъ киржимъ раза два коснулся дна.

— Ия-Алла, Ия-Алла, — раздались тогда тревожные крики гребцовъ, но Гассанъ налегъ на руль, затрепавшій отъ яростнаго удара волны, и киржимъ благополучно миновалъ опасное мѣсто.

Съ парохода взяли пассажировъ. Прямо бросали ихъ въ киржимъ, а гребцы ловко подхватывали испуганныхъ людей и сажали на дно своей неуклюжей плоскодонной лодки.

Гассану стало жалко ихъ, когда онъ увидѣлъ, съ какимъ страхомъ они смотрѣли на эту странную огромную лодку, которую волны бросали, какъ щепку, у борта парохода.

Что заставляло ихъ итти на вѣрную опасность, когда самъ Гассанъ не зналъ, вернется ли киржимъ благополучно, или буруны разобьютъ его о длинную песчаную отмель у входа въ Мурдъ-Абъ? А тутъ такъ много народу насѣло... Человѣкъ тридцать, не меньше. Гассанъ нѣсколько разъ принимался считать, но сбивался со счета...

...Почему они такъ спѣшили въ чужую страну, что не могли обождать до утра, когда стихнетъ море? Отчего командиръ не остановилъ неопытныхъ людей отъ неосторожнаго шага?.. Но такова воля Аллаха...

XI.

Смутно помнитъ Гассанъ, какъ киржимъ отвалилъ отъ парохода. Слишкомъ онъ былъ поглощенъ заботой о томъ, какъ пройти буруны.

Темная зловѣщая мгла охватила киржимъ. Подъ нимъ шумѣла

и крутилась бездна, и злобный ревъ бури властно заглушалъ все другіе звуки. Кругомъ поднимались огромные черные валы и своими смутно бѣлѣвшими гребнями словно заглядывали въ лодку и пересчитывали близкія жертвы.

Беззвѣздная ночь набросила на бурное море непроницаемый черный покровъ, и нужны были звѣрино-острые глаза Гассана, чтобы безошибочно по чуть замѣтнымъ огонькамъ, поблескивавшимъ со стороны Энзели, править киржимомъ. Но и то ему было трудно. Точно тысячи гиланскихъ эджинѣ ¹⁾ затѣяли дикую пляску, набрасываясь на бѣдный киржимъ. Тонкіе борта трещали при каждомъ рѣзкомъ и короткомъ ударѣ волны.

— Ия-Алла!.. Магома! — раздавались тревожные крики гребцовъ и тонули въ грозномъ ревѣ моря. Тщетно они налегали на весла, стараясь дать ходъ въ тотъ моментъ, когда подойдетъ бурунь, — киржимъ едва подвигался впередъ... О, Гассанъ помнитъ хорошо, что шайтанъ тогда хохоталъ ему прямо въ лицо и вырывалъ изъ рукъ секонь-дастѣ ²⁾.

Тогда самъ Гассанъ начиналъ кричать:

— Ия-Алла!.. Магома!..

И все въ восемь гребцовъ въ тактъ, привставая и снова садясь, подхватывали:

— Али!..

Пассажиры сидѣли, сбившись въ кучу, на днѣ киржима. Женщины плакали, закрывая лицо руками... И зачѣмъ они сѣли въ киржимъ, кто гналъ ихъ съ парохода?.. Ждали бы до утра... Бисмилля...

XII.

Бурунь усилился, и дыханіе смерти охватило всехъ, кто сидѣлъ въ этой огромной лодкѣ. И не было никого, кто пересохшими, воспаленными губами не шепталъ бы послѣднихъ предсмертныхъ словъ. Холодная тѣнь неотвратимаго-безконечнаго легла на посѣрѣвшія отъ страха лица, и не было на свѣтѣ силы, которая могла бы даровать имъ зарю другого дня... Гребцы работали веслами вразбродъ, обезсиленные неравной борьбой и страхомъ, и уже сила волнъ влекла лодку къ роковой отмели, гдѣ волны громоздились другъ на друга въ бѣшеной игрѣ... Черезъ все море, огромное, жуткое, съ темныхъ зыбучихъ глубинъ шли покорныя гордой силѣ вѣтра прозрачныя воды и, строясь въ ровные огромные валы, съ размаха ударялись объ отмель. Въ грозномъ гнѣвѣ волны взбѣгали на отлогій песокъ и прежде, чѣмъ умереть, вздымали свои бѣлоснѣжные гребни къ далекому холодному небу...

И въ раскатахъ бури, въ ревѣ волнъ слышались стоны смертельно раненаго огромнаго звѣря...

...Смутно помнитъ Гассанъ, что было потомъ... Громадная волна набѣжала и ударила такъ яростно киржимъ, что онъ затрепалъ по всемъ скрѣпамъ. Слѣдующая волна сломала руль, и бурунь, какъ шапкой, прикрылъ киржимъ и перевернулъ его.

Крики и вопли тонущихъ людей слились съ грознымъ хохотомъ моря-побѣдителя...

(Оговчаніе слѣдуетъ).

Книга о новомъ балетѣ.

(В. Свѣтловъ. Современный балетъ.
СПБ. 1911. Изд. Голике и Вильборгъ).

Прекрасно изданный фоліантъ съ массой интереснѣйшихъ и рѣдкихъ гравюръ и рисунковъ, „Современный балетъ“ — своего рода гимнъ красотѣ. Стремленіе къ красотѣ чувствуется на каждой страницѣ этой изящной книги, въ каждомъ рисункѣ, въ каждой заставкѣ. Она говоритъ о красотѣ и зоветъ къ красотѣ, — и прежде всего къ красотѣ пластики, къ красотѣ линій живого человѣческаго тѣла, къ той красотѣ, которая когда-то расцвѣтала подъ синимъ небомъ классической Эллады, озаренная радостнымъ солнцемъ...

О балетѣ и о его значеніи для жизни и искусства, конечно, можно быть разныхъ мнѣній. Въ балетѣ можно видѣть условность, бѣдность идеи, однообразіе художественныхъ впечатлѣній, и т. п., но въ немъ нельзя не видѣть наибольшаго приближенія къ классической красотѣ пластики, въ самомъ яркомъ ея видѣ, въ видѣ танца, этого „живого пластическаго искусства“. И нельзя въ балетѣ не видѣть своеобразной симфоніи музыки, красивыхъ линій и движеній и гармоническихъ красокъ, — но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы эта сложная художественная симфонія обладала логичностью и естественностью. И вотъ о такомъ балетѣ, о подлинно-художественномъ зрѣлищѣ живой пластики, которое должно прійти и уже приходитъ на смѣну старому, услов-

ному и во многихъ своихъ частностяхъ нехудожественному и даже смѣшному, балету, и говоритъ авторъ „Современнаго балета“, отмѣчая новые пути въ искусствѣ, новыя формы прекраснаго.

Отдавъ заслуженную дань уваженія старому классическому балету во всемъ томъ, что было въ немъ истинно прекраснаго и художественнаго (въ статьѣ, посвященной памяти патріарха русскаго балета М. И. Петипа), авторъ ведетъ читателя къ познанію и пониманію новаго балета, основаннаго на взаимномъ согласованіи содержанія и формы и одухотвореннаго внутренней логичностью. Такой балетъ, созданный усиліями современныхъ художниковъ и балетмейстеровъ, уже не только возникъ, не только получилъ права существованія, но и произвелъ настоящій фуроръ на Западѣ — въ Парижѣ. Движеніе въ пользу новаго балета, начавшееся, по словамъ автора разбираемой нами книги, съ 1890 года, привело теперь къ полному торжеству новыхъ началъ въ этой области искусства. И Западъ начинаетъ теперь чутко прислушиваться къ тому, что говорится и дѣлается въ области искусства у насъ, въ Россіи. И русскіе артисты теперь стали желанными гостями на Западѣ. Все это — результаты того обновленія, которое испытало наше искусство въ послѣдніе годы. Новый русскій балетъ, сосредоточенный въ рукахъ истинныхъ художниковъ, соединившій не однихъ музыкантовъ и балетмейстеровъ, но и декораторовъ и либреттистовъ въ одно идейное цѣлое, обратилъ на себя вниманіе западныхъ цѣнителей искусства не только какъ балетъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и

¹⁾ Эндерунъ — мужская половина дома, гостиная хозяина.

²⁾ Теріакъ — опиумъ. Въ Персіи очень развито куреніе опиума и настолько общественнаго оздоровленія поставили борьбу съ истребленіемъ опиума въ странѣ. Опиумъ въ Персіи — бичъ одинаково и зажиточныхъ и низшихъ классовъ, такъ какъ сравнительно дешево. Въ курительныхъ опиума трубка теріака стоить всего 5—6 „шай“ (меньше 5 копеекъ).

³⁾ Иншалла — Да будетъ воля Божія!

¹⁾ Эджинѣ или джины — духи. Каждая провинція, по повѣрью персовъ, имѣетъ своихъ духовъ (Энзели — Рештъ находятся въ провинціи Гиланъ).

²⁾ Секонь-дастѣ — руль, вѣрифе — румпель.

как музыка, и как живопись, и как вообще искусство в широком смысле этого слова.

Обо всем этом мы находим интересные страницы в „Современном балете“. Очень поучительно и занимательно все то, что говорится здесь об организации балетных спектаклей в доброе старое время, о той „упрощенности“, которая царила тогда в этом деле. Не менее занимательны исторические справки о балетном костюме.

Цѣлая глава далѣе посвящена знаменитой „босоножке“ А. Дунканъ и „дунканизму“.

Въ той революціи, которую произвела въ балетѣ Айседора Дунканъ, послѣдователи новаго балета видятъ возвращеніе къ благодатнымъ временамъ древне-греческаго искусства. Танцы Дунканъ, исполненные свѣжей и стихійной граціи, послужили для современныхъ балетмейстеровъ цѣлымъ откровеніемъ.

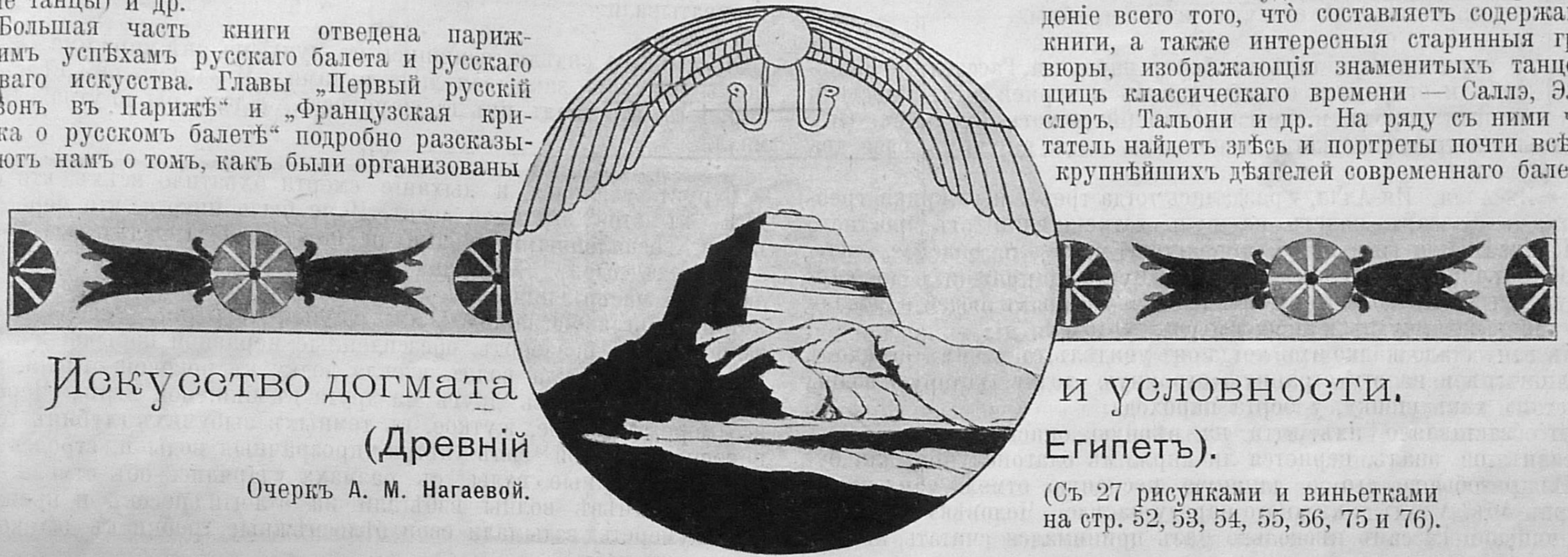
Въ „Современномъ балетѣ“ мы находимъ немало оригинальныхъ мыслей и обобщеній по поводу этого своеобразнаго теченія въ балетномъ искусствѣ и на ряду съ А. Дунканъ встрѣчаемъ упоминанія и о другихъ послѣдовательницахъ того же жанра: Стефаніи Домбровской, Руфь С. Дени (индійская танцовщица, стилизовавшая старинные индійскіе танцы) и др.

Большая часть книги отведена парижскимъ успѣхамъ русскаго балета и русскаго новаго искусства. Главы „Первый русскій сезонъ въ Парижѣ“ и „Французская критика о русскомъ балетѣ“ подробно разсказываютъ намъ о томъ, какъ были организованы

въ 1909 году въ парижскомъ театрѣ „Шатлэ“ русскіе спектакли, и какъ поражены были французскіе зрители декораціями К. Коровина, А. Бенуа, Л. Бакета и А. Головина, танцами Т. Карсвиной и В. Нижинскаго и постановками талантливаго балетмейстера М. Фокина. Ослѣпительная удача русскаго искусства въ Парижѣ, всколыхнувшая вниманіе парижанъ невиданными у нихъ постановками, рисуется въ „Современномъ балетѣ“ въ очень живыхъ и яркихъ краскахъ, и становится понятно, что значить дружная художественная работа нѣсколькихъ людей, преданныхъ искусству и повѣрившихъ въ его новыя теченія.

Такова эта красивая „Книга о новомъ балетѣ“. Съ внѣшней стороны она поражаетъ своей художественной роскошью. Художественная сторона изданія находилась въ надежныхъ рукахъ: въ титулѣ книги сказано, что она издана „при непосредственномъ участіи Л. С. Бакета“. Участіе талантливаго художника, одного изъ наиболее яркихъ представителей современнаго теченія въ нашемъ искусствѣ,—сказывается въ художественномъ выборѣ иллюстрацій и въ стройномъ систематизированіи богатаго художественнаго матеріала, приготовленнаго для этой книги.

Что касается иллюстрацій, то читатель найдетъ въ „Современномъ балетѣ“ художественное воспроизведеніе всего того, что составляетъ содержаніе книги, а также интересныя старинныя гравюры, изображающія знаменитыхъ танцовщицъ классическаго времени — Саллэ, Эльслеръ, Тальони и др. На ряду съ ними читатель найдетъ здѣсь и портреты почти всѣхъ крупнѣйшихъ дѣятелей современнаго балета.

Искусство догмата
(Древній Египетъ)
Очеркъ А. М. Нагаевой.

и условности.
Египетъ).

(Съ 27 рисунками и виньетками на стр. 52, 53, 54, 55, 56, 75 и 76).

V.

Такъ какъ рельефы и живопись египтянъ съ рядами пѣроглифовъ покрывали часто сплошь отъ края до края стѣны и заполняли боковыя части декорируемыхъ пространствъ, то они до извѣстной степени замѣняли собой орнаменты, но не вытѣснили ихъ, и у египтянъ вполнѣ самостоятельно образовался богатый орнаментъ, раскрашенный главнымъ образомъ въ 5 красокъ: черную, бѣлую, красную, зеленую и голубую. Эти краски, какъ и въ живописи, ложились ровнымъ слоемъ безъ тѣней въ строгіе и правильныя контуры орнамента, и послѣдній нерѣдко является своеобразнымъ и изящнымъ.

Египетскій орнаментъ встрѣчается нѣсколькихъ типовъ: геометрической, какъ, на примѣръ, шахматный порядокъ (рис. 22 а); орнаментъ, съ прототипомъ греческаго меандра (б), спирали (в), и др.; стилизованно-растительный, съ примѣненіемъ излюбленныхъ мотивовъ: лотоса, папируса и др., смѣшанный изъ геометрическаго и растительнаго (г).

На рис. д—орнаментъ египетскаго карниза; это—узкіе, сверху полукруглыя неглубокіе желоба, окрашенные попеременно въ зеленый, красный и голубой цвѣтъ. На рис. е—орнаментъ, встрѣчающійся на деревянныхъ саркофагахъ мумій: желтыя звѣзды на голубомъ фонѣ¹⁾; рис. ж—выпуклый орнаментъ съ амулета. Рис. з, и, і—отдѣльно разработанные мотивы (что французы называютъ въ орнаментикѣ—motif unique)—солнце съ крыльями и уреями (очковая змѣя), крылатый жукъ, урей. Рис. к—орнаментъ съ примѣненіемъ фигуръ животныхъ (шакалы—изображеніе бога Анубиса).

Египетскій орнаментъ сохранилъ свою живость до нашихъ дней, а линіи его, мотивы и способы окраски часто служили и служатъ плодотворными источниками для декоративнаго творчества. Особенности творчества египтянъ коснулись и предметовъ художественной промышленности.

Керамика появилась въ Египтѣ съ древнѣйшаго періода, при чемъ и въ эту раннюю эпоху уже былъ извѣстенъ гончарный кругъ. Первое украшеніе, это—заполненіе насѣчекъ на сосудахъ бѣловатымъ веществомъ въ видѣ зигзаговъ, волнообразныхъ линій,

позднѣе въ видѣ фигуръ звѣрей и человѣка. Болѣе позднія формы пріобрѣтаютъ прелестный видъ и краски (голубую, красную, желтую и зеленую въ новомъ царствѣ). Иногда попадаются чело-вѣко- и звѣроподобные сосуды.

Вообще формы сосудовъ крайне разнообразны (рис. 21). Характерна удлиненная форма кувшина (а), изящны кубки (б, в) въ формѣ цвѣтотъ; форма вазы г встрѣчается очень часто и въ наши дни; д, е, ж, з—каноны или сосуды для храненія внутренностей умершаго, это—вазы, крышки которыхъ сдѣланы въ формѣ головы кобчика, шакала, обезьяны и человѣка.

Со времени средняго царства встрѣчаются разрисованный фаянсъ, кирпичики и маленькія дощечки для вставки въ мебель. Съ 18 династіи появляются многоцвѣтные прозрачныя сосуды изъ стекла, а при дворѣ Аменофиса IV процвѣтаетъ искусство эмалированія и выдѣлки фаянсовыхъ фигурокъ, какъ, на примѣръ, гиппопотама—изъ голубого фаянса (рис. 23 и.).

Художественныхъ произведеній и драгоценностей осталось отъ египтянъ очень много: оружіе, утварь, мебель, статуэткі, браслеты и т. п. На рис. 23 а изображена деревянная ручка ложки въ видѣ плавающей молодой дѣвушки; б—деревянная фигурка рыбы, в и г—амулеты въ видѣ цвѣтка лотоса и жука (скарабея).

Подобныя амулеты въ громадномъ количествѣ наполняютъ музеи Европы. Чаще всего это скарабен—священные жуки, изображенія отдѣльныхъ рукъ, ногъ, лотосовъ и другихъ символическихъ фигуръ.

Такъ, на примѣръ, встрѣчаются амулеты въ видѣ глаза—оуза, что служило символомъ пріветствія; иногда правый глазъ символизировалъ солнце, лѣвый—луну, оба глаза вмѣстѣ—востокъ и западъ. Символь татъ изображалъ позвоночный столбъ Озириса

и обозначалъ устойчивость и постоянство; ouges—въ видѣ чаши—покой и др. (рис. 24).

Большинство этихъ предметовъ, какъ и вообще художественныя издѣлія египтянъ, были многоцвѣтно раскрашены. Матеріи вышивались цвѣтными узорами и рисунками. Мебель расписывалась или украшалась инкрустаціей изъ слоновой кости и чернаго дерева; муміи, саркофаги украшались цвѣтными орнаментами и фигурами. Даже пѣроглифы нерѣдко раскрашивались, чтобы сдѣлать изъ нихъ болѣе ясныя и понятныя обозначенія и такимъ образомъ облегчить чтеніе этихъ знаковъ.

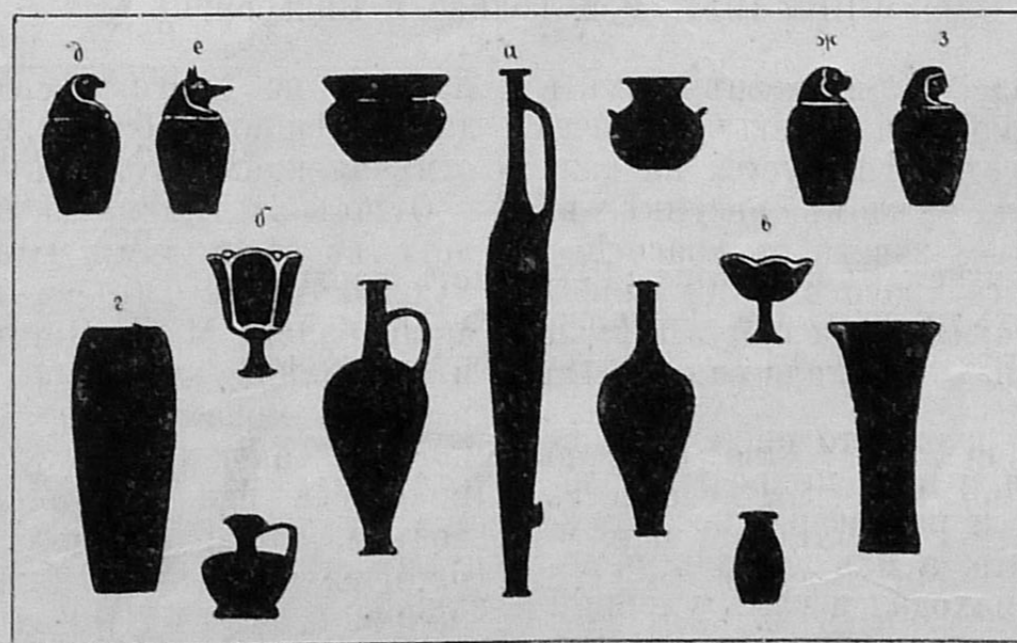

Рис. 21.

1) Императорскій Эрмитажъ. Саркофагъ № 776.

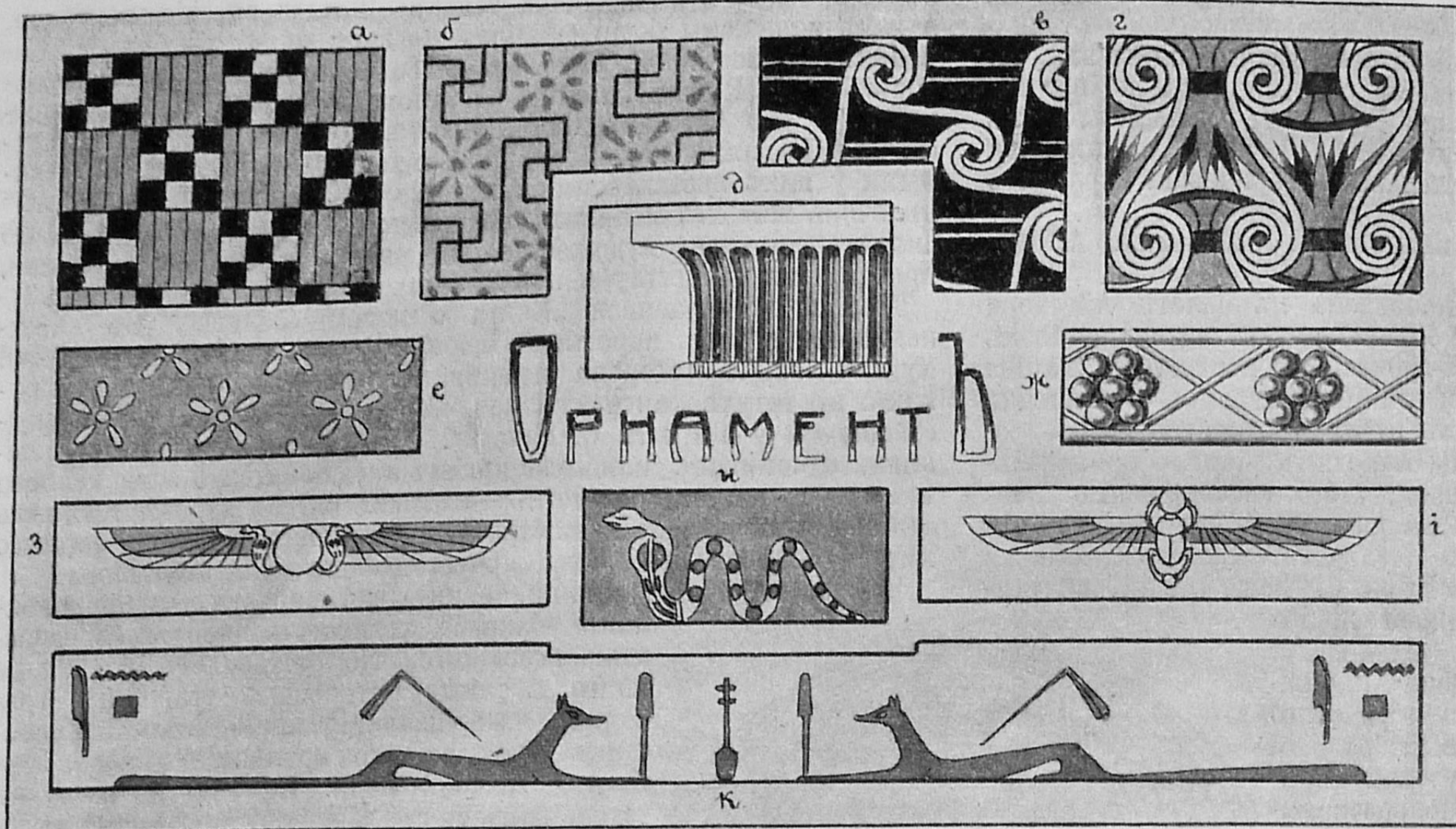

Рис. 22.

Произведения искусства древняго Египта, извлеченныя изъ гробницъ и храмовъ: статуи, муміи, утварь, предметы роскоши, амулеты, куски карнизовъ, фрагменты—все это размѣстилось въ настоящее время въ музеяхъ и галлереяхъ, и мы привыкли видѣть эти образцы въ строгомъ выставочномъ порядкѣ этихъ хранилищъ; у египтянъ же каждая вещь занимала опредѣленное мѣсто, и совокупность этихъ вещей создавала дивную декоративную обстановку. И статуи, и рельефы, и живопись—все это были детали этой декораціи.

Плафоны, окрашенные въ голубой цвѣтъ съ желтыми звѣздами, солнцемъ, луной и съ парящими ястребами, подножія стѣнъ и колоннъ, покрытыя растительнымъ орнаментомъ изъ цвѣтовъ, бутоновъ и листьевъ лотоса и папируса, картины на стѣнахъ съ изображеніемъ рѣкъ, наполненныхъ рыбами, кустарники съ летающими птицами и роями насѣкомыхъ, фигуры людей на

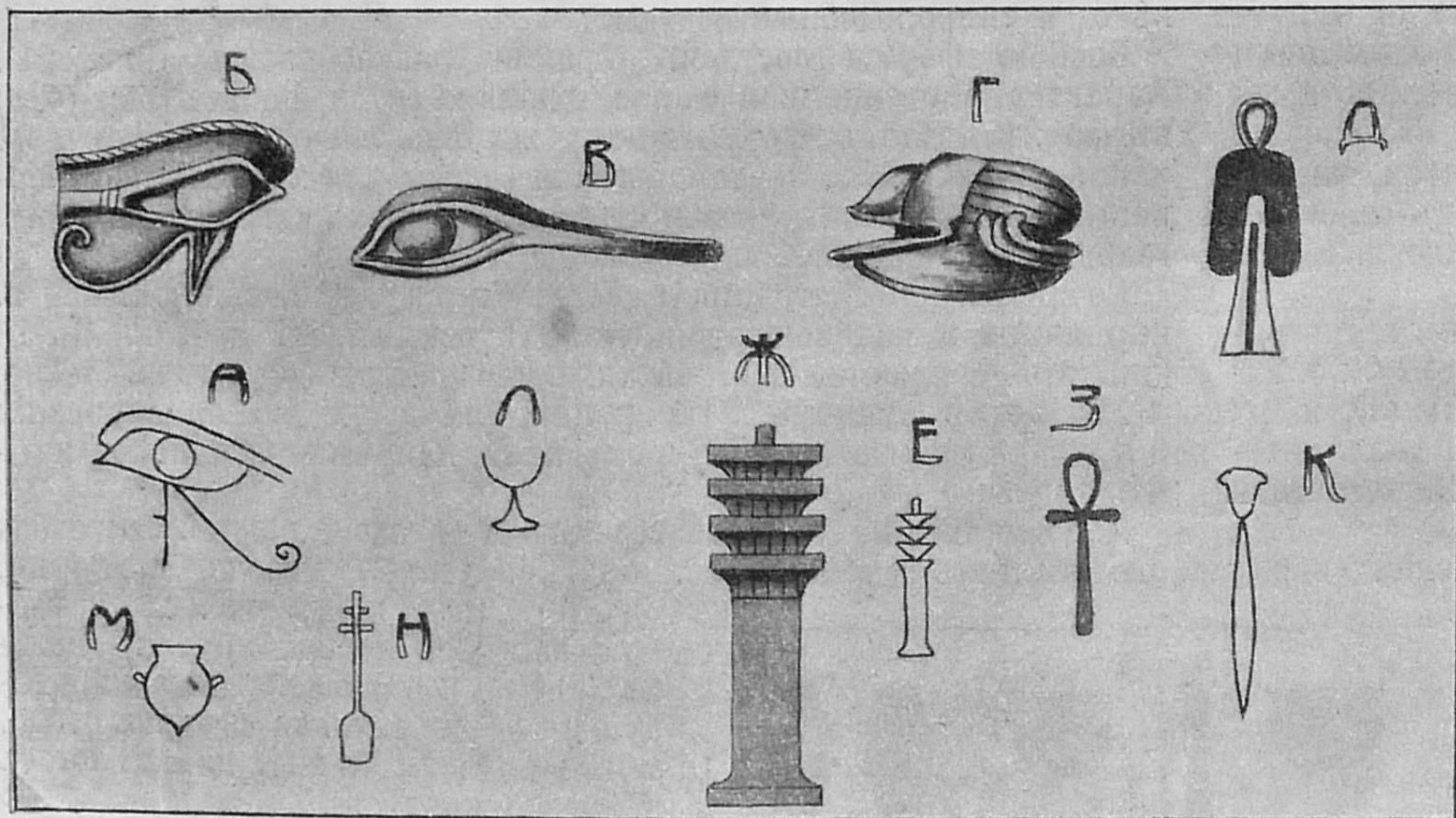

Рис. 24. Символы. А—символь ouza; Б, В—амулеты въ формѣ ouza; Г—амулетъ скарабей; Д—амулетъ thit; Е—символь tat; Ж—амулетъ въ формѣ tat; З—символь жизни—ankh; К—символь ouaz—зеленый, свѣжій; Л—oures—символь покоя; М—сердце; Н—добрый.

стѣнахъ и статуи внутри этихъ зданій,—развѣ это не декоративная картина всего земного великолѣпія и всей природы? Гробницы, внутри которыхъ въ живописныя и рельефныя изображенія перенесена была вся жизнь умершаго, а изъ домашнихъ вещей создавалась его обстановка и гдѣ находился самъ умершій въ видѣ муміи и статуи,—развѣ это не художественная картина всей жизни человѣка?

И то, къ чему должно стремиться декоративное искусство—къ простотѣ формъ, ясности изображеній и общей гармоніи, то, что составляетъ теперь предметъ изученія, рождалось у египтянъ непосредственно въ силу боготворенія природы и ихъ наивно-свѣжаго эстетическаго вкуса. Они, не задумываясь, расписывали фигурку гиппопотама листьями и цвѣтами, чтобы дать картину звѣря среди зелени (рис. 23).

Элементы этой роскошной декораціи, выраженные въ строгихъ линияхъ и законченныхъ формахъ, съ безконечнымъ чувствомъ мѣры, порой изящные, порой наивные, но полные неуловимой прелести, послужили неистощимыми матеріалами

которыхъ реальны и еще не тронуты стилизаціей.

Этотъ періодъ реального искусства Египта, еще не вполне открытъ, но который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживается, и служилъ началомъ оригинальнаго и условнаго искусства историческаго Египта.

*) L'art égyptien. Choix de documents par Jean Capart. 1911 г.

для послѣдующаго творчества.

Откуда же могло родиться такое искусство? Уже во время первыхъ династій оно находится въ періодѣ расцвѣта, и образцы его далеки отъ примитивовъ. И уже съ этого отдаленнаго отъ насъ времени египетское искусство подчиняется началамъ стилизаціи,—началамъ, всегда слѣдующимъ за реальнымъ воспроизведеніемъ жизни. Въ древнѣйшемъ періодѣ встрѣчаются эти образцы реализма, но они обладаютъ уже такимъ сравнительнымъ совершенствомъ исполненія, что является мысль о долгой подготовительной работѣ въ области искусства,—работѣ, которая должна была совершаться вѣками, чтобы вылиться въ художественныя формы мемфисскаго періода.

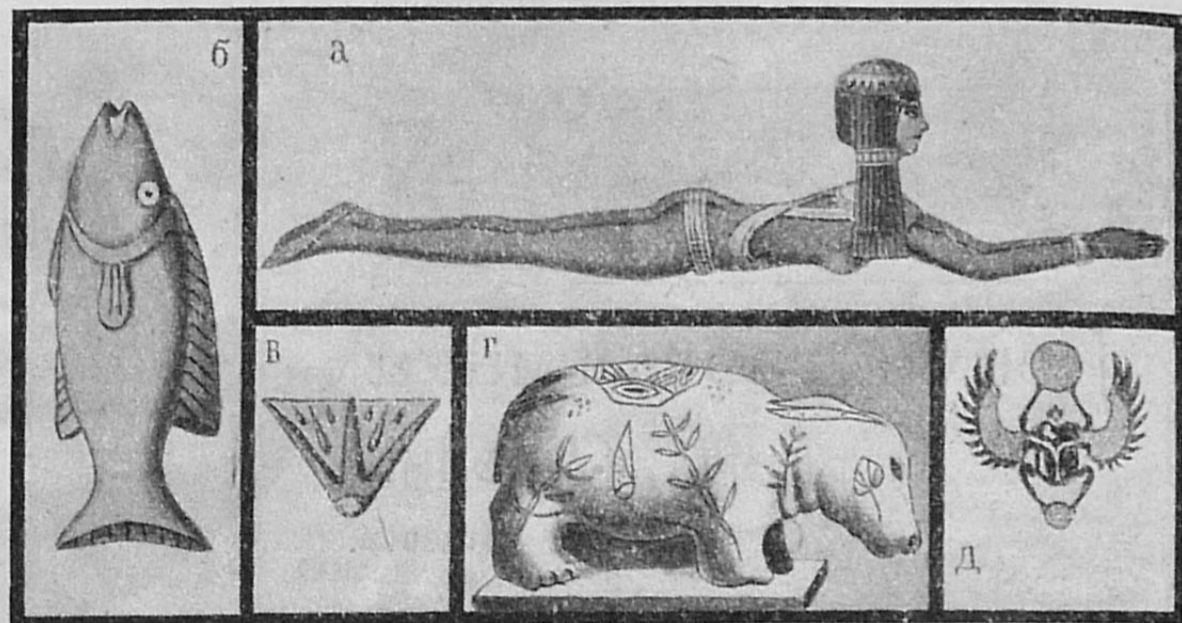

Рис. 23.

И археологія открыла слѣды этой первобытной жизни и первобытнаго искусства египтянъ. Подъ почвой, подъ одними памятниками историческаго Египта нашлись и продолжаютъ находиться предметы доисторическаго Египта. Благодаря дальнѣйшимъ розыскамъ Амелино, Петри, Моргана, обнаружилось, что въ эпоху каменнаго вѣка были уже своеобразная египетская культура и искусство, что уже тогда египтянами фабриковались во множествѣ красивыя каменные вазы съ орнаментами и изображеніями людей, животныхъ, судовъ, кремневые ножи съ замѣчательной отдѣлкой изъ самороднаго золота, предметы роскоши, издѣлія изъ костей гиппопотама и изъ шифера. И эти издѣлія во многомъ превосходятъ произведенія другихъ восточныхъ современниковъ доисторическаго Египта. Изображенія животныхъ, змѣй, львовъ—отличаются по стилю отъ догматическаго искусства Египта временъ фараоновъ. Изображенія эти жизненны и свободны. Въ сборникѣ Ж. Capart*) помѣщенъ снимокъ со стелы временъ 1-й династіи; на стелѣ прекрасный барельефъ кобчика и змѣи, фигуры

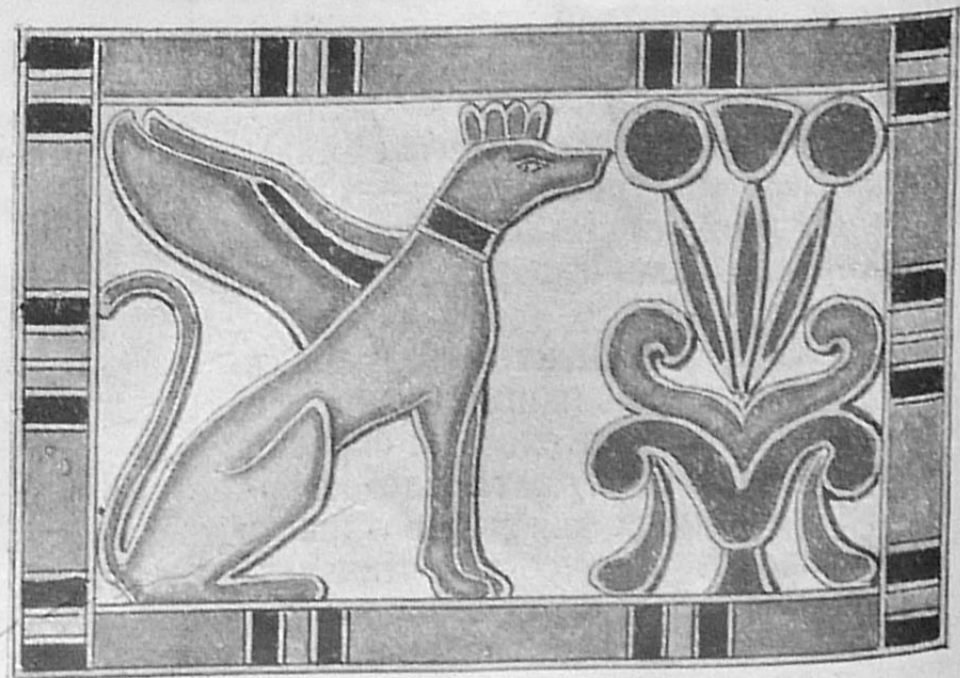

Рис. 25.

А. С. Пушкинъ.

Портретъ работы О. А. Кипренскаго (1827). Собственность А. А. Пушкина.

Къ 75-лѣтію кончины Пушкина.

(Съ 7 рис. и портр. на стр. 69 и 77).

Воспроизводимый здѣсь портретъ Пушкина—снимокъ съ самаго лучшаго изъ всѣхъ существующихъ изображеній поэта, принадлежащаго кисти знаменитаго живописца—романтика О. А. Кипренскаго, который написалъ его въ 1827 г. по заказу друга Пушкина, барона А. А. Дельвига. Современники единодушно восторгались этимъ портретомъ. Самъ отецъ поэта черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти сына печатно заявилъ: „лучшій портретъ сына моего есть тотъ, который написанъ Кипренскимъ“. Пушкинъ былъ имъ очень доволенъ, хотя находилъ, и справедливо, что Кипренскій польстилъ его наружности, и писалъ художнику (до насъ дошелъ только набросокъ посвященнаго ему стихотворенія):

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ!
Ты вновь создалъ, волшебникъ милый,
Меня, питомца скромныхъ Музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя, какъ въ зеркалѣ, я вижу,
Но—чудо!—зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ...
Оно гласитъ, что не унижу
Пристрастия чистыхъ Аонидъ..

По смерти Дельвига, Пушкинъ купилъ портретъ у его вдовы. Теперь онъ принадлежитъ старшему сыну поэта, генералу-отъ-кавалеріи А. А. Пушкину, проживающему въ Москвѣ.

Весьма удачный рисунокъ, авторъ котораго еще не выясненъ, изображаетъ поэта въ гробу. На лицѣ лежитъ та печать нездѣшняго міра, о которой Жуковскій трогательно писалъ другу Пушкина: „что выражалось на лицѣ его, я сказать словами не умѣю... Это не былъ ни сонъ ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу: не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: что видишь, другъ?...“

Картина А. А. Наумова изображаетъ перевезеніе тѣла Пушкина изъ Петербурга въ Псковскую губернію. Впереди на дровняхъ слѣдуетъ ящикъ съ гробомъ; за ними поспѣшаетъ возокъ, въ которомъ ѣдутъ неизмѣнный другъ Пушкина,—А. И. Тургеневъ и офицеръ неотступно слѣдовавшаго за поэтомъ жандармскаго вѣдомства. Первому поручено было предать землѣ прахъ Пушкина, второму—блюсти при этомъ за „порядкомъ“... Грустный зимній пейзажъ усиливаетъ тяжелое настроеніе, навѣваемое видомъ гроба.

Красивое, фатоватое лицо Дантеса, этого человѣка, о которомъ такъ вѣрно сказалъ Тютчевъ: „навѣкъ онъ выспею рукою въ царубійцы заклею“, и не дрогнувшій въ его рукѣ роковой пистолетъ говорить сердцу слишкомъ краснорѣчиво...

Квартира, въ которой поэтъ провелъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, подверглась лишь небольшимъ внутреннимъ измѣненіямъ. Въ послѣдніе годы въ ней помѣщалось петербургское охранное отдѣленіе, затѣмъ въ немъ устраивались художественныя выставки.

Памятникъ на мѣстѣ дуэли представляетъ скромный бюстъ; въ скоромъ времени будетъ вмѣсто него воздвигнутъ болѣе художественный памятникъ. Памятникъ на могилѣ поэта поставленъ въ сороковыхъ годахъ его родными.

Двухсотлѣтній юбилей 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса.

(Съ 2 рис. на стр. 79 и 80).

16 января с. г. въ С.-Петербургѣ торжественно, въ Высочайшемъ присутствіи, отпраздновалъ двухсотлѣтіе своего существованія 2-й кадетскій корпусъ, нынѣ получившій наименованіе 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса.

2-й корпусъ—одно изъ старѣйшихъ военно-учебныхъ заведеній не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Изъ его стѣнъ вышли многочисленныя поколѣнія русскихъ воиновъ, и въ ихъ числѣ—многіе изъ героевъ Отечественнаго войны: главнокомандующій М. И. Кутузовъ, партизаны Фигнеръ, Дороховъ, Сеславинъ и др.

Юбилей 2-го корпуса—одинъ изъ многочисленныхъ, празднуемыхъ въ наше время, „петровскихъ“ юбилеевъ, связанныхъ съ именемъ Великаго Преобразователя Россіи. Корпусъ былъ основанъ Петромъ Великимъ и, какъ всѣ учрежденія Великаго Государя, оказался учрежденіемъ жизнеспособнымъ и высокополезнымъ для родины.

16 января 1712 года Петръ Великій основалъ въ Москвѣ Инженерную школу для подготовки молодыхъ людей къ инженерной службѣ въ войскахъ. Эта школа и явилась тѣмъ зерномъ, изъ котораго позднѣе выросъ и развился 2-й корпусъ. Спустя два года, въ 1719 году, всѣ ученики этой школы были переведены въ Петербургъ въ учрежденную въ этомъ году петербургскую Инженерную школу. Позднѣе (въ 1758 году) названная школа была соединена съ Артиллерійскою школою, а въ 1762 году возникшее изъ этихъ двухъ школъ учебное заведеніе получило на-

именованіе Артиллерійскаго и Инженернаго шляхетнаго корпуса. И только въ 1800 году корпусу было присвоено названіе 2-го корпуса,—названіе, дожившее до самаго послѣдняго времени, но съ нѣкоторымъ перерывомъ. Въ эпоху милитинскихъ реформъ, когда въ Россіи были насажены такъ называемыя военныя гимназій, 2-й корпусъ на время превратился въ „2-ю Петербургскую военную гимназію“. Въ этой „военной гимназіи“, между прочимъ, получилъ образованіе извѣстный поэтъ С. Я. Надсонъ. 2-я военная гимназія однако просуществовала только до 1882 года и была въ названномъ году снова превращена во 2-й корпусъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, исторія этого военно-воспитательнаго учрежденія, давшаго Россіи такъ много военныхъ дѣятелей всевозможныхъ родовъ оружія.

Юбилейныя торжества начались 16 января и продолжались 17-го. Въ первой изъ этихъ двухъ дней состоялся Высочайшій парадъ корпуса въ присутствіи Государя Императора и Великихъ Князей и высокопоставленныхъ лицъ. Во время парада Государь Императоръ въ торжественной церемоніи изволилъ вручить корпусу новое знамя и Высочайшую грамоту, которая была оглашена во время парада директоромъ корпуса. Послѣ того Государь Императоръ изволилъ обратиться къ кадетамъ съ слѣдующими милостивыми словами:

„Въ изъявленіе Моего особаго благоволенія 2-му кадетскому корпусу, Я пожаловалъ вамъ сегодня новое знамя и на погоны и эполеты офицеровъ вензеля Великаго вашего Основателя и Преобразователя русской арміи.

За время 200-лѣтняго существованія Московской Инженерной школы, преобразованной во 2-й корпусъ, изъ обоихъ заведеній вышло много тысячъ честныхъ, знающихъ свое дѣло офицеровъ, преданныхъ Престолу и полезныхъ слугъ Отечества.

Завѣты корпуса незыблемо сохранились до нашихъ дней. Я увѣренъ, что вы сумѣете передать ихъ и чувства непоколебимой вѣрности и любви къ Отечеству и будущимъ поколѣніямъ.

Выражаю всѣмъ преждеслужившимъ и служащимъ въ корпусѣ Мою сердечную благодарность за службу, а вамъ, кадеты, за сегодняшній славный парадъ и молодецкій видъ, въ которомъ вы мнѣ представились, сердечное спасибо“.

Въ Высочайшей грамотѣ, дарованной корпусу по поводу юбилея и прочитанной на парадѣ, между прочимъ, говорится: „На протяженіи двухъ вѣковъ своего существованія учебное заведеніе это непрерывно подготовляло для военной службы молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чувствахъ благородства, воинской чести, добраго товарищества, крѣпкой дисциплины и беззавѣтной любви и преданности Престолу и Родинѣ“.

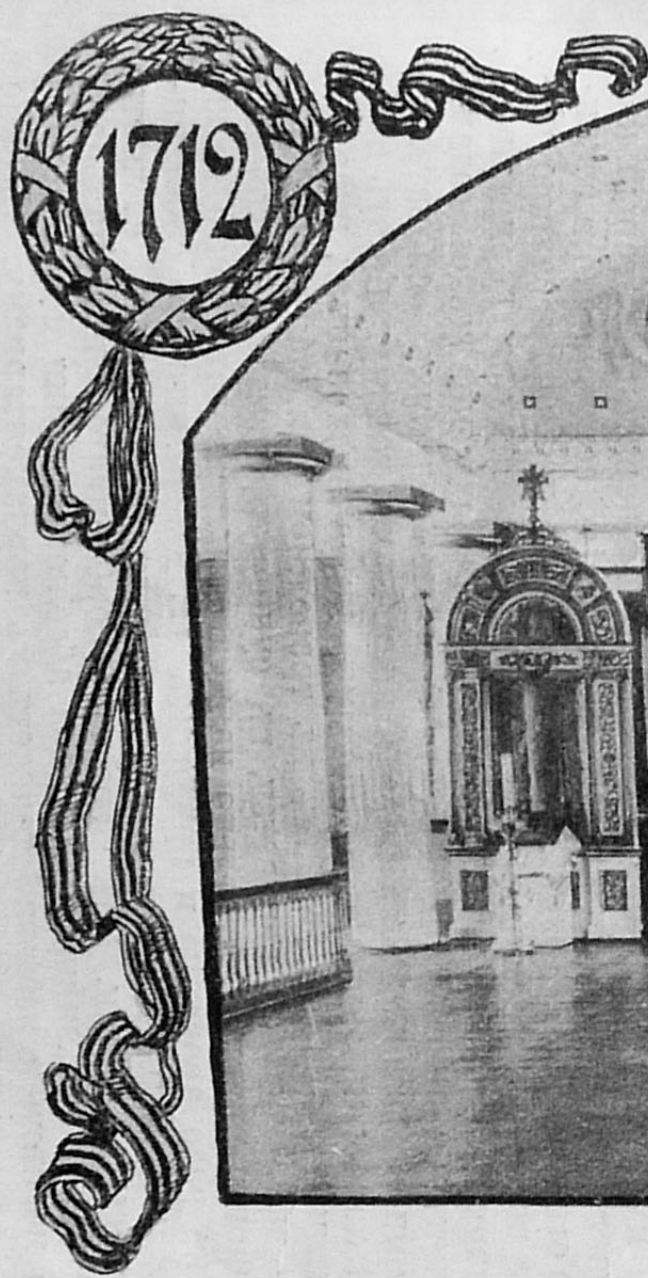
„Въ сегодняшній знаменательный день,—говорится въ грамотѣ далѣе,—200-лѣтняго юбилея 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса Мы съ отраднымъ чувствомъ изъявляемъ ему Наше благоволеніе. Мы твердо увѣрены, что корпусъ и впредь будетъ съ честью выполнять возложенную на него задачу по подготовкѣ вѣрующихся, преданныхъ Престолу и Родинѣ свѣдущихъ и крѣпкихъ волею офицеровъ для Нашей доблестной арміи“.

Послѣ парада въ корпусѣ, въ громадной актовомъ залѣ состоялся торжественный юбилейный завтракъ, на который собралось до 750 старыхъ питомцевъ корпуса. Въ глубинѣ залы на хорахъ горѣли электрическія щиты съ вензелями Императоровъ Петра I и Николая II и между ними юбилейныя даты „1712—1912“. Въ нишѣ между оконъ возвышался на гранитномъ пьедесталѣ бронзовый бюстъ Державнаго Основателя Московской Инженерной школы, Петра Великаго. Этотъ бюстъ принесенъ въ даръ корпусу его бывшими питомцами. Юбилейный завтракъ прошел шумно и весело и объединилъ въ товарищеской бесѣдѣ не одно поколѣніе птенцовъ этого „гнѣзда Петрова“.

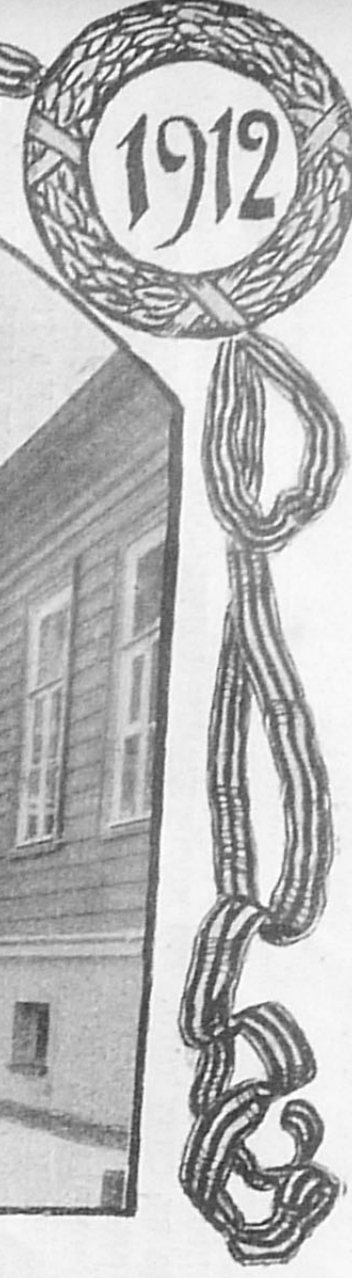
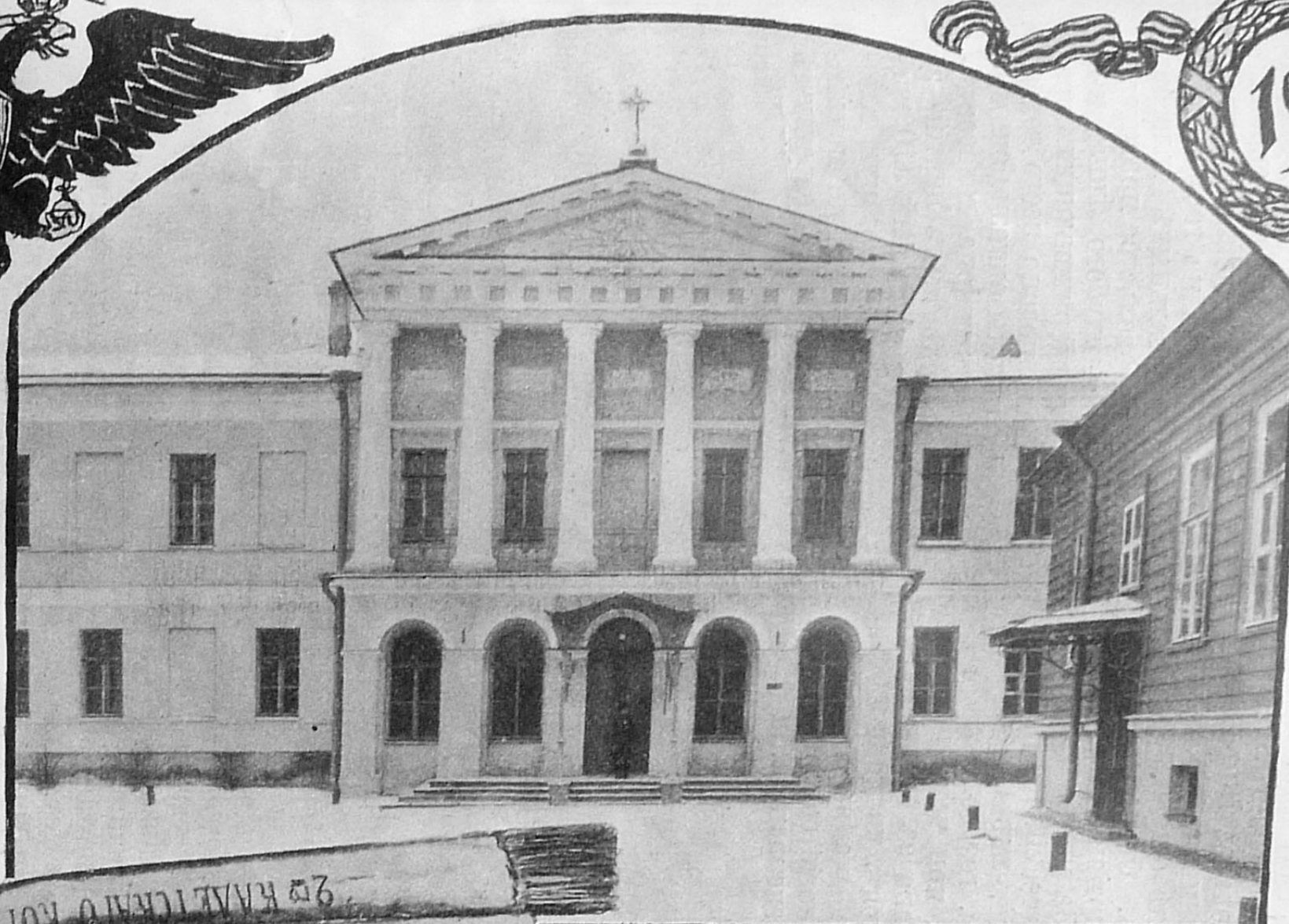
Юбилейныя торжества закончились на другой день, 17 января, торжественнымъ молебствіемъ и актомъ въ стѣнахъ корпуса. А вечеромъ въ этотъ день въ Маріинскомъ театрѣ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадный „юбилейный спектакль 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса“. Спектакль этотъ, на которомъ была въ 764 разъ исполнена опера „Жизнь за Царя“, еще разъ объединилъ громадную корпусную семью и явился красивымъ заключительнымъ аккордомъ юбилейнаго празднованія.

Къ рисункамъ.

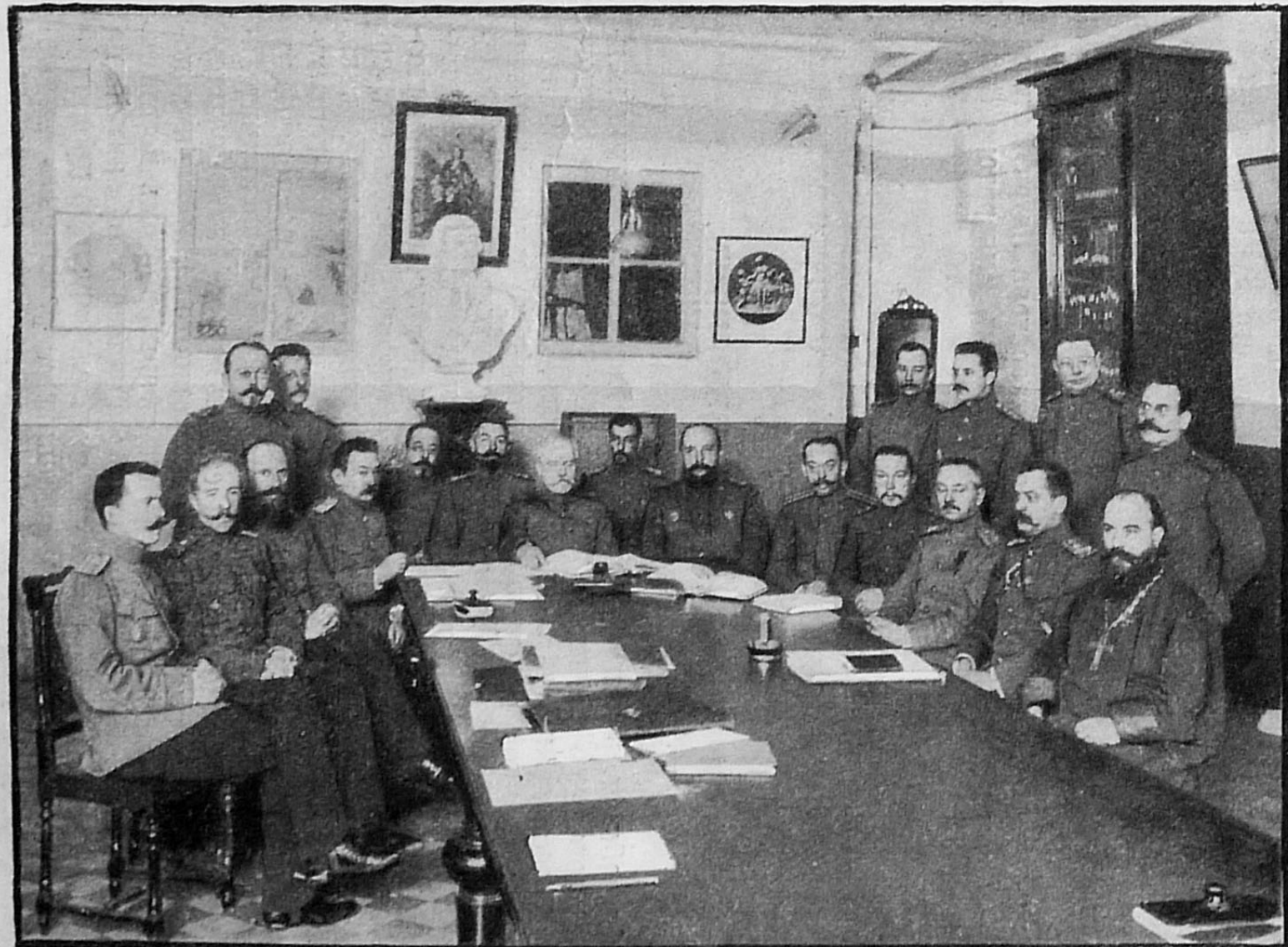
Русская масленица и европейскій карнавалъ рѣзко отличаются другъ отъ друга своимъ характеромъ. Наше масленичное веселье зажигаетъ свои огни въ стѣнахъ домовъ, чуждаясь открытаго неба и сырой и холодной погоды. Карнавалъ же цѣликомъ проходитъ на воздухѣ: онъ—дитя яркаго солнца и веселой шумной улицы. За границей карнавалъ представляетъ собою даже самостоятельное учрежденіе. Въ Страсбургѣ, на примѣръ, въ текущемъ году торжественно празднуетъ сорокалѣтіе своего существованія общество „Рейнскаго Карнавала“... Настоящее общество, съ дѣйствительными и почетными членами, съ уставомъ, съ различными привилегіями и... обязательной формой для своихъ членовъ, въ видѣ изящнаго, украшеннаго лентами и погремушками, дурацкаго колпака. Членами этого почтеннаго масленичнаго общества состоятъ различные почтенныя горожане, занимающіе видныя должности и положеніе... Умѣютъ веселиться за границей и умѣютъ дѣлать изъ веселья

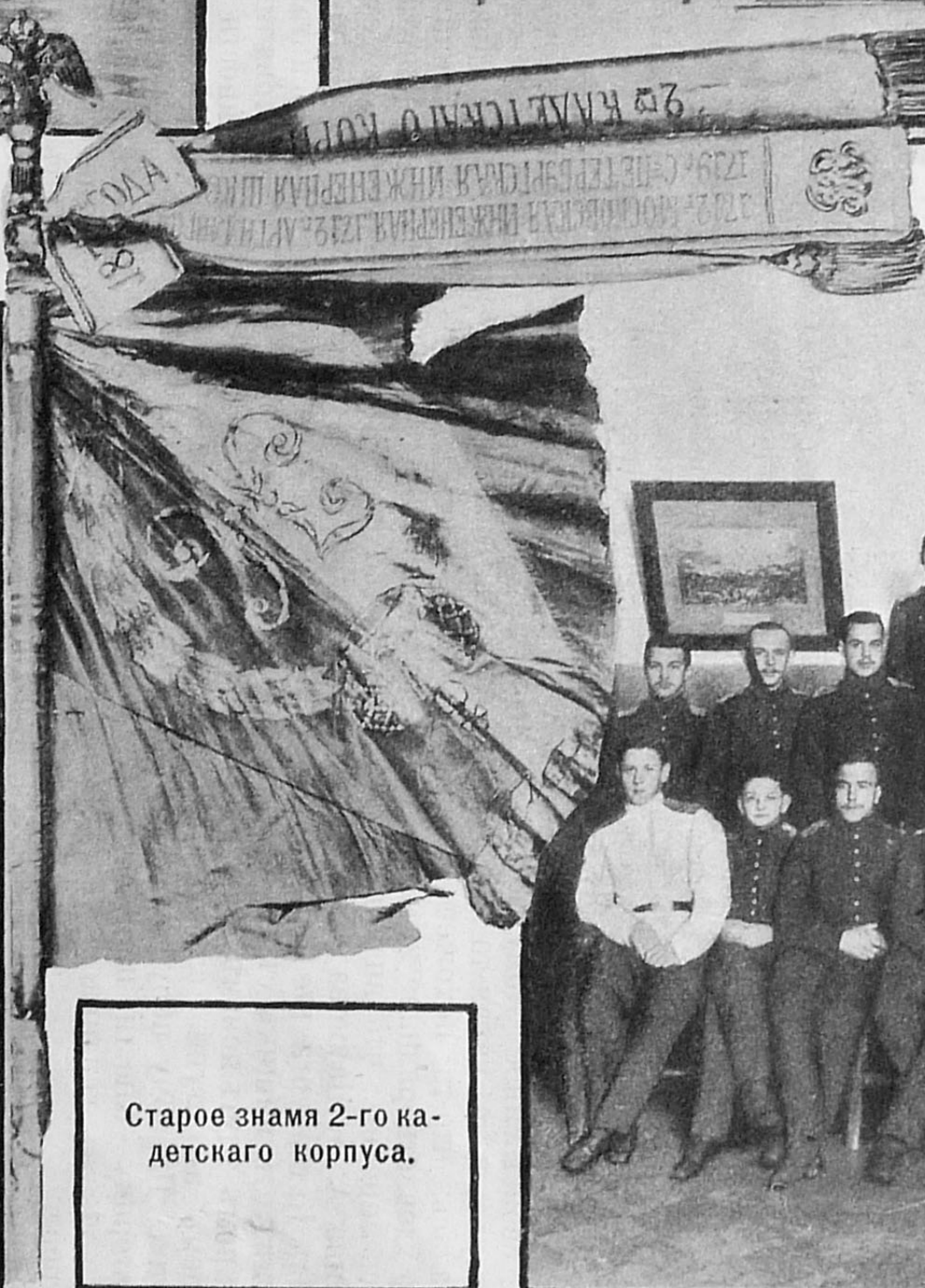
Домовая церковь.

Зданіе корпуса.

Исполнительная комиссия по организации юбилейных празднеств во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Директоръ ген.-лейт. А. К. Линденбергъ, инспекторъ ген.-маіоръ Г. М. Быстрѣвскій, командиры ротъ и воспитатели.

Старое знамя 2-го кадетскаго корпуса.

Выпускной юбилейный курсъ 2-го кадетскаго корпуса съ преподавателемъ законовѣднія ген.-маіоромъ Быстрѣвскимъ и преподавателемъ музыки полковникомъ Казанли.

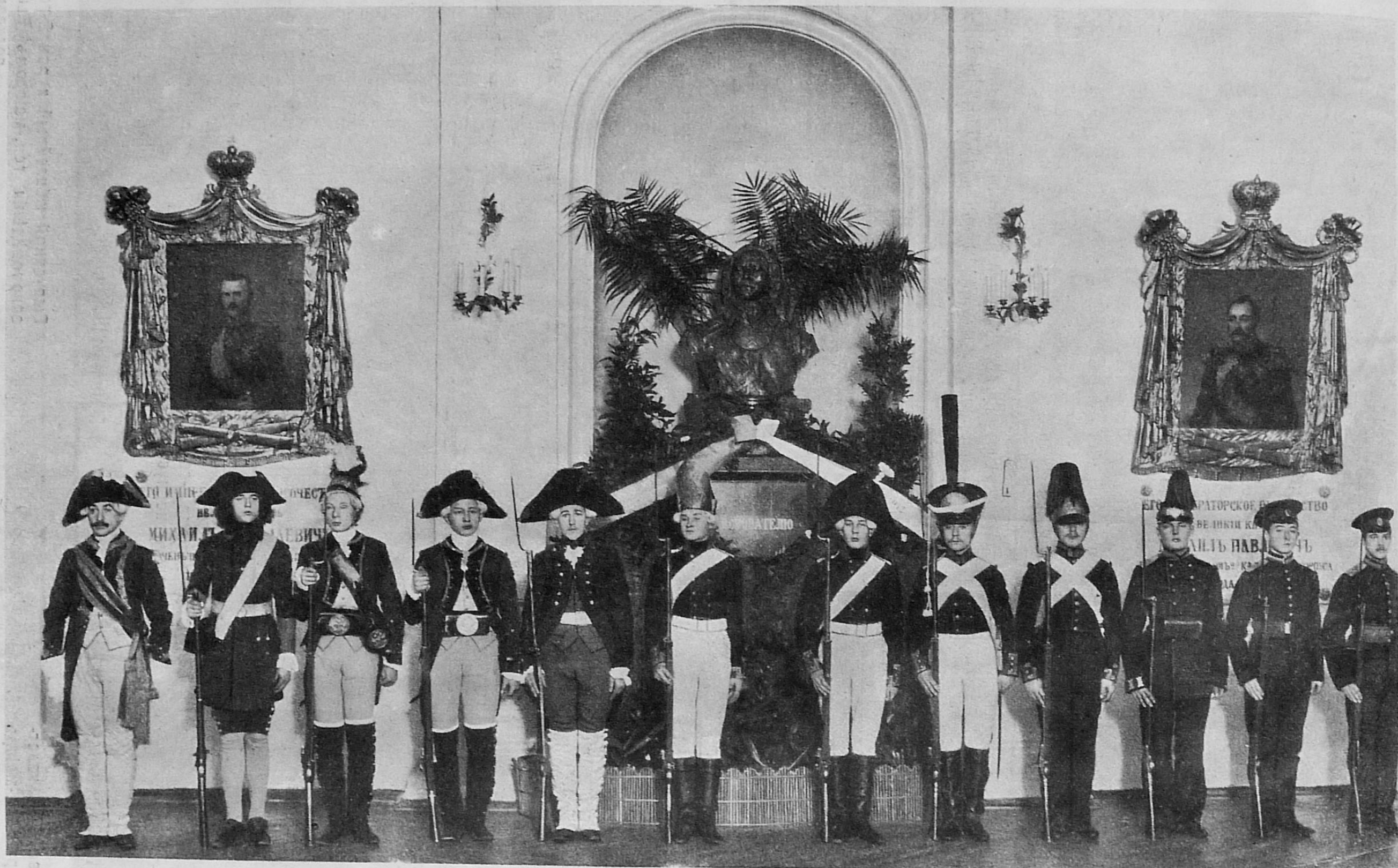
Къ 200-лѣтію 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса, старѣйшаго военно-учебнаго заведенія въ Россіи.

серьезное, основательное дѣло... Такое же серьезное, какъ серьезна въ своемъ существѣ старинная итальянская комедійка о *Коломбинѣ*, *Арлекинѣ* и бѣдномъ *Пьерро*, одураченномъ своей вѣтренной возлюбленной...

Наша русская масленица еще не знаетъ этихъ западныхъ ухищреній. У насъ веселятся безъ особыхъ затѣй, особенно въ деревняхъ. Забавную сценку изъ деревенской жизни рисуетъ художникъ Ф. Сычковъ: крестьянскія ребятишки, очевидно, успѣвшія побывать въ городѣ и повидавшія тамъ разныя увеселительныя учрежденія, вздумали устроить свою домашнюю карусель. Какъ они ее устроили, объ этомъ достаточно ясно говорить намъ талантливый художникъ въ своемъ забавномъ жанрѣ „*Деревенская карусель*“.

Строго смотрѣла наша старина на все эти масленичныя увеселенія. Пляски, „гудѣнїе“ на софляхъ, одѣваніе „личинъ“ приравнивалось гогдашними моралистами къ смертельному грѣху. Картина Васнецова „*Скоморохи*“ изображаетъ такого моралиста-обличителя — юродиваго, встрѣтившагося съ толпою ряженыхъ

удаленіе его съ политической сцены вносить тревогу во все сердца въ силу того, что необузданная пылкость вытѣсняющаго его эрцгерцога дѣлаетъ возможными и вѣроятными самыя неожиданныя сюрпризы. Но все-таки самымъ важнымъ событіемъ европейской жизни послѣднихъ дней надо считать не паденіе Эренталя, а понинѣ ошеломляющую побѣду социалистовъ на германскихъ выборахъ. Статистика распредѣленія избирательныхъ голосовъ между партіями рисуетъ картину общаго недовольства правительствомъ. За партію такъ называемаго черно-голубого блока, т. е. за католическій центр и консерваторовъ, поддерживающихъ правительство, изъ 12.188 тыс. голосовъ было подано всего только 4.700 тыс. голосовъ, а 7¹/₂ милл. голосовъ отданы оппозиціоннымъ партіямъ, при чемъ наибольшая часть—4¹/₄ милліона голосовъ—была подана за самую крайнюю изъ оппозиціонныхъ партій—за социалистовъ, получившихъ въ обновленномъ рейхстагѣ 110 кресель. Необычайный успѣхъ социаль-демократіи, за которую голосовали многіе совершенно мирные бюргеры, отнюдь не мечтающіе объ экспроприаціи частной собственности, свидѣтельствуе

Къ 200-лѣтію 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса. Кадеты въ историческихъ формахъ обмундированія за 200 лѣтъ передъ памятникомъ Императору Петру I, воздвигнутымъ въ стѣнахъ корпуса ко дню юбилея, 16 января 1912 г. По фот. К. Булла.

скомороховъ. Гнѣвно потрясаетъ проклинающей дланью измощенный старецъ на веселыхъ шутовъ и укоряетъ и клянеть ихъ. Но скоморохи не унываютъ, и рѣкой разливается по деревнѣ принесенное ими масленичное веселье...

Итоги германскихъ выборовъ.

(Политическое обозрѣніе).

Великія событія, разыгрывающіяся на Востокѣ, отвлекли вниманіе отъ того, что дѣлается на Западѣ. А тамъ зрѣтъ много рѣзкихъ и неожиданныхъ перемѣнъ. Такъ, въ разныхъ мѣстностяхъ новорожденной республики—Португаліи то и дѣло вспыхиваютъ крестьянскіе бунты, руководимые монархистами. Въ монархической Испаніи, наоборотъ, видимо, усиливается республиканское движеніе. Въ Галиціи разыгрываются дикія сцены религиозныхъ насилій надъ православными русинами, казалось бы, совершенно невѣроятныя въ конституціонной странѣ XX вѣка. Въ сосѣдней, славянской же, области Австріи—въ Босно-Герцеговинѣ только-что созданный сеймъ распускается по распоряженію правительства, потому что выборы не дали угоднаго правительству большинства. Дипломатическія сферы взволнованы предстоящею отставкою Эренталя, недавно одержавшаго рѣшительную побѣду надъ придворной военной партіей съ эрцгерцогомъ во главѣ, которая настаивала на сосредоточеніи значительной арміи на итальянской границѣ. Эренталь захватомъ славянскихъ провинцій Турціи нарушилъ европейское равновѣсіе, разстроилъ дружественныя отношенія Австріи къ Россіи и вообще до крайности обострилъ разнь между великими державами,—и тѣмъ не менѣе

именно объ остротѣ народнаго недовольства правительственнымъ курсомъ, вызваннаго съ значительной степенью и жестокими мобилетскими расправами берлинской полиціи и, быть-можетъ, еще въ большей степени—не совѣмъ удачнымъ исходомъ африканской дѣлѣжки, начавшейся посылкой германскаго военнаго судна въ Адагиръ.

Ничто такъ бысто не роняетъ престижъ правителей въ странахъ съ политическимъ развитіемъ народныхъ массъ, какъ внѣшнія неудачи. Чѣмъ большая доля власти предоставлена правительству, тѣмъ тяжелѣе его отвѣтственность передъ націей. Какъ извѣстно, существованіе берлинскаго парламента далеко еще не дѣлаетъ Германію парламентскою страной. Все управленіе дѣлами имперіи сосредоточено въ рукахъ императора, который назначаетъ министровъ по своему усмотрѣнію, совершенно независимо отъ рейхстага. Такой порядокъ прочно держался славою побѣдъ великихъ сподвижниковъ перваго императора Германіи—Бисмарка и Мольтке; но вѣдь память старыхъ побѣдъ съ годами блекнетъ, а новыхъ побѣдъ преемники великихъ основателей имперіи не даютъ. Когда народъ видитъ, что завянувшіе отъ времени лавры не замѣняются новыми, когда рискованная игра на политической биржѣ держитъ въ тревожномъ ожиданіи грандіозныхъ катастрофъ и кончается, въ сущности, чѣмъ-то, похожимъ на проигрышъ, онъ невольно начинаетъ чувствовать нѣчто близкое къ разочарованію и приходитъ къ мысли, что его собственныя избранники, быть-можетъ, умѣли бы лучше служить интересамъ націи. Въ силу оскорбленнаго національнаго чувства всякая внѣшняя неудача абсолютнаго или полуабсолютнаго монарха неизбѣжно толкаетъ къ парламентаризму. Именно

такое явление и приходится наблюдать теперь въ Германіи. Подъ революціоннымъ знаменемъ социаль-демократіи идетъ оскорбленное въ своемъ національномъ чувствѣ, глубоко недовольное господствующимъ курсомъ бюргерство, настойчиво требующее своей доли вліянія на управленіе страной. По своей внутренней природѣ буйный ростъ социаль-демократіи нисколько не грозитъ Германіи какимъ бы то ни было социальнымъ переворотомъ, котораго прежде всего не допустятъ сами социалисты, но служитъ симптомомъ чрезвычайнаго обостренія внутренней борьбы за полноту политическихъ правъ. Можно думать, что во внутренней жизни Германіи начнется чрезвычайно бурный періодъ, который приведетъ или къ значительнымъ уступкамъ со стороны власти, или къ еще вѣщшему усилению реакціи. Въ международномъ отношеніи онъ тѣмъ опасенъ, что побудитъ власть для укрѣпленія своего внутренняго положенія настойчиво искать внѣшнихъ триумфовъ и создастъ весьма благоприятную почву для самыхъ неожиданныхъ международныхъ осложненій.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Близость окончанія полномочій заставляетъ Гос. Думу работать съ лихорадочною быстротой. Изъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь съ начатіемъ послѣдней сессіи, заслуживаютъ особаго

ціпомъ безответственности должностнаго лица передъ пострадавшимъ отъ его дѣйствій гражданиномъ. Естественнымъ выходомъ изъ непримиримаго противорѣчія было бы предоставленіе каждому пострадавшему отъ незаконныхъ дѣйствій чиновниковъ искать защиты и возстановленія своихъ правъ въ судѣ. Такой порядокъ существуетъ во всѣхъ культурныхъ странахъ и нигдѣ не создаетъ ни малѣйшихъ неудобствъ, нигдѣ не подрываетъ престижа власти, которая видитъ свой „престижъ“ не въ поправѣ личности гражданина, а въ законномъ служеніи ему. Но наша Гос. Дума не рѣшилась идти въ этомъ случаѣ по слѣдамъ цивилизованнаго Запада. Она сохранила нѣкоторое ограниченіе въ правѣ гражданъ обращаться къ суду въ распряхъ съ должностными лицами и обусловила преданіе суду чиновниковъ уже не согласіемъ ихъ непосредственнаго начальства, а согласіемъ прокурора. Разумѣется, такая замѣна—уже большой шагъ впередъ въ смыслѣ установленія законоподчиненности должностныхъ лицъ, потому что прокуроръ будетъ все-таки не судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ и отнесется къ вопросу о преступности должностнаго лица безпристрастно и объективно, чѣмъ его непосредственное начальство, нерѣдко морально отождествляющее себя съ исполнителемъ своей воли. Ораторъ кадетской партіи Тесленко, возражая противъ половинчатаго рѣшенія, указывалъ на цѣлую сѣть зависимостей, значительно ограничивающихъ независимость рѣшеній прокурорскаго надзора въ вопросѣ о преданіи суду должностныхъ

Английскіе гости въ Св. Синодѣ. Епископы англиканской церкви—члены англійской депутаціи, посѣтившей Россію, вмѣстѣ съ православными іерархами, митрополитами московскимъ и кіевскимъ.

вниманія два законопроекта объ уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ. Съ первымъ изъ нихъ наши читатели отчасти уже знакомы по предшествовавшимъ хроникамъ. Главный недостатокъ существующаго порядка, вызывающій необходимость коренныхъ преобразованій, заключается въ томъ, что въ настоящее время привлеченіе чиновниковъ за какое бы то ни было правонарушеніе, учиненное ими при исполненіи служебныхъ обязанностей, обусловлено согласіемъ ихъ непосредственнаго начальства. Если начальство почему-либо не согласно на преданіе подчиненнаго суду, то пострадавшее лицо тѣмъ самымъ лишается всякой возможности судебнымъ порядкомъ защищать свои поправныя личныя или имущественныя права. Отчасти такой порядокъ оправдывается пассивной ролью низшихъ служащихъ, лишь исполняющихъ волю пославшаго и потому не въ полной мѣрѣ отвѣтственныхъ за свои служебныя дѣянія. Съ этимъ еще можно было бы, скрѣпя сердце, мириться, если бы отвѣтственность, снимаемая съ низшихъ агентовъ власти на основаніи ихъ подчиненности, была переложена на высшихъ агентовъ, нормирующихъ и направляющихъ дѣятельность первыхъ своими циркулярами и предписаніями. Но такого переложенія отвѣтственности нѣтъ и слѣда. Начальство провинившагося подчиненнаго поставлено не въ роли замѣстителя по отвѣтственности передъ пострадавшимъ, а въ роли безапелляціоннаго судьи, рѣшеніемъ котораго пострадавшій фактически лишается возможности обращенія къ суду для защиты своихъ поправныхъ правъ. Такъ какъ основная задача всякаго государства—охрана и защита личныхъ и гражданскихъ правъ своихъ подданныхъ, то введенная въ законъ безответственность чиновничьихъ правонарушеній съ юридической точки зрѣнія равносильна правовой анархіи и отрицанію государственности. Естественно, что представительныя учрежденія почувствовали полную несовмѣстимость новаго строя преобразованной Россіи съ архаическимъ прин-

лицъ: такъ какъ прокуроры зависимы отъ министра юстиціи, а министръ юстиціи входитъ въ качествѣ члена въ составъ объединеннаго правительства, то въ концѣ-концовъ вопросъ о преданіи суду низшихъ агентовъ власти все же остается въ зависимости отъ желанія высшихъ агентовъ и будетъ регулироваться не столько нормами закона и права, сколько соображеніями господствующаго курса внутренней политики. Въ извѣстной мѣрѣ эти опасенія надо признать основательными, но если отрицательныя рѣшенія прокуратуры по вопросу о преданіи суду должностныхъ лицъ могутъ быть обжалованы въ болѣе независимую отъ волевыхъ воздѣйствій коллегію Сената, то въ лицѣ послѣдняго граждане найдутъ нѣкоторый коррективъ къ недостаткамъ существующей системы и дѣйствительную поддержку гарантированныхъ закономъ правъ. Само по себѣ замѣщеніе безапелляціоннаго усмотрѣнія начальства заключеніемъ прокурорскаго надзора, которое должно быть юридически мотивировано и обосновано на точномъ смыслѣ соответствующихъ статей закона, — все же надо привѣтствовать, какъ переходъ къ лучшему отъ худшаго, тѣмъ болѣе, что объединенность правительства далеко не въ силахъ искоренить той „розни вѣдомствъ“, которая даже и въ старыя, дореформенныя, времена иногда служила основаніемъ независимости суда. При томъ же перспектива сенатскаго контроля прокурорскихъ постановленій не можетъ не понуждать прокуроровъ къ стремленію быть въ мирѣ со статьями законовъ. Сравнивая предложенный въ законопроектѣ порядокъ съ дѣйствующимъ порядкомъ привлеченія должностныхъ лицъ къ судебной отвѣтственности, нельзя забывать, что значеніе почти всякаго закона въ жизни народовъ заключается главнымъ образомъ въ его педагогическомъ вліяніи на правосознаніе массъ. Педагогическое вліяніе новаго закона несомнѣнно будетъ плодотворнымъ. Важно вовсе не то, много ли чиновниковъ попадетъ подъ судъ, а то, что каждый чиновникъ, какое бы мѣсто онъ ни занималъ, отнынѣ

уже не будет считать себя всемогущим богомъ и царемъ; что онъ будетъ вынужденъ сознать подеудность своихъ дѣйствій съ точки зрѣнія закона и видѣть въ законѣ не удобную подстилку для сидѣнія на продырявленномъ канцелярскомъ креслѣ, а верховную норму всей своей дѣятельности. Возросшее уваженіе къ закону заставитъ держаться строгихъ рамокъ его администрацію и въ то же время приучитъ обывателя къ закономѣрной борьбѣ за попранное право.

А. А. Савурскій.

(Портр. на этой стр.).

30 декабря истекшаго года скончался извѣстный писатель и дѣятель въ области военно-инженернаго дѣла, членъ конференціи Николаевской Инженерной Академіи и редакторъ „Инженернаго Журнала“, инженеръ-генералъ А. А. Савурскій.

Какъ педагогъ и начальникъ, А. А. Савурскій приобрѣлъ самыя горячія симпатіи юнкеровъ и офицеровъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ и въ Николаевской Инженерной Академіи. Его любили за безпристрастіе, искренность и доброжелательное отношеніе къ молодежи, которой онъ всегда помогалъ и словомъ и дѣломъ. Но наибольшей извѣстностью покойный пользовался какъ писатель по инженернымъ вопросамъ и главнымъ образомъ какъ редакторъ популярнаго въ инженерныхъ сферахъ „Инженернаго Журнала“, который онъ редактировалъ болѣе сорока лѣтъ. А. А. Савурскій былъ не только прекрасный знатокъ инженернаго дѣла, онъ былъ, сверхъ того, замѣчательный лингвистъ и, благодаря знанію почти всѣхъ европейскихъ языковъ, имѣлъ возможность знакомить своихъ читателей со всѣми новостями западно-европейской литературы.

А. А. Савурскій былъ горячимъ приверженцемъ распространенія образованія въ народѣ и много труда и энергіи отдалъ дѣлу распространенія технического образованія среди столичныхъ рабочихъ и ихъ дѣтей. Въ теченіе долгаго времени онъ работалъ въ качествѣ товарища председателя въ постоянной комиссіи по техническому образованію.

Н. Ф. Лабзинъ.

(Портр. на этой стр.).

8 истекшаго декабря исполнилось 50 лѣтъ государственной и научной дѣятельности старѣйшаго изъ нашихъ ученыхъ технологовъ—заслуженнаго профессора, инженеръ-технолога Н. Ф. Лабзина.

Н. Ф. Лабзинъ много потрудился для упорядоченія и постановки на твердую почву различныхъ техническихъ промысловъ и предприятий въ Россіи. Такъ же много и плодотворно трудился онъ и на педагогическомъ поприщѣ, занимая въ теченіе многихъ лѣтъ профессорскую кафедру въ Технологическомъ институтѣ.

Н. Ф. Лабзинъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ въ 1857 году. И въ томъ же году онъ получилъ предложеніе давать уроки механики Великому Князю Александру Александровичу (впоследствии Импе-

А. А. Савурскій (1827—1911 г.).

школой Императрицы Маріи Александровны.

Въ своей дѣятельности Н. Ф. касался также и другихъ областей,

кромѣ педагогической. Въ 1866 году онъ былъ командированъ въ Нижегородскую и Владимирскую губерніи для изученія на мѣстѣ постановки ножеваго и слесарнаго промысловъ. По его указаніямъ тамъ были примѣнены крестьянами-кустарями новыя технические приемы, и, кромѣ того, была учреждена въ селѣ Павловѣ артель для выдачи ссудъ подъ готовыя издѣлія, что устраняло зависимость кустарей отъ скупщиковъ-маклаковъ.

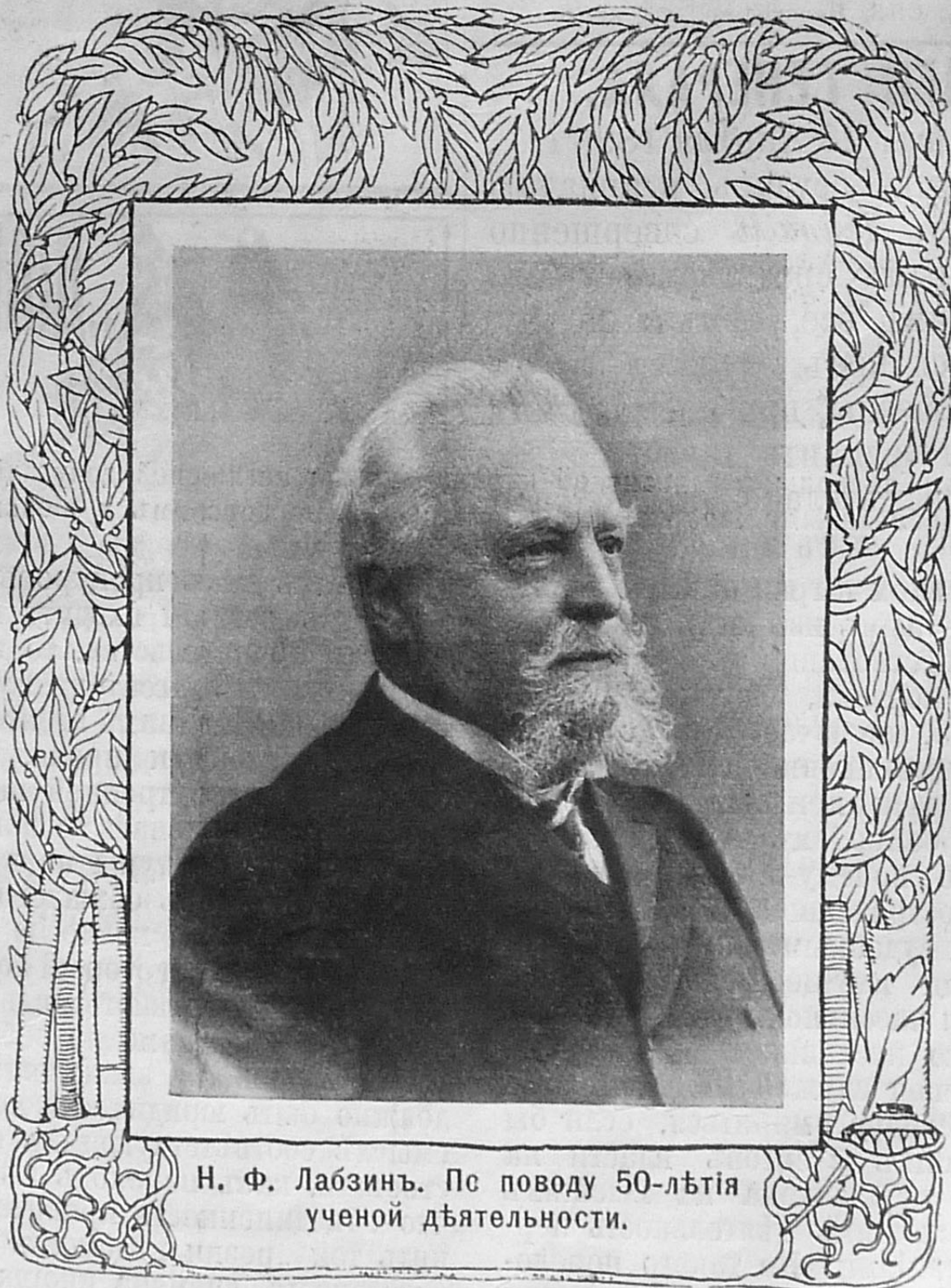
Н. Ф. Лабзинъ принималъ видное участіе въ качествѣ эксперта на всѣхъ всероссийскихъ промышленныхъ выставкахъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Юбиларъ принималъ далѣе участіе въ работахъ по пересмотру таможеннаго тарифа, а въ 1893 году былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію однимъ изъ делегатовъ на Берлинскую конференцію для заключенія торговаго договора съ Германіей.

Въ настоящее время Н. Ф. состоитъ членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, членомъ Совѣта торговли и мануфактуръ и председателемъ механическаго отдѣла Комитета по техническимъ дѣламъ при Министерствѣ Торговли и Промышленности. Ему принадлежатъ многіе печатные труды по его специальности.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, Н. Ф. Лабзинъ отличается рѣдкой трудоспособностью, и полнѣйшей юбилей его государственной дѣятельности засталъ его полнымъ силъ и энергіи.

Н. Ф. Лабзинъ принималъ видное участіе въ качествѣ эксперта на всѣхъ всероссийскихъ промышленныхъ выставкахъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Вѣнѣ. Юбиларъ принималъ далѣе участіе въ работахъ по пересмотру таможеннаго тарифа, а въ 1893 году былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію однимъ изъ делегатовъ на Берлинскую конференцію для заключенія торговаго договора съ Германіей.

Въ настоящее время Н. Ф. состоитъ членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, членомъ Совѣта торговли и мануфактуръ и председателемъ механическаго отдѣла Комитета по техническимъ дѣламъ при Министерствѣ Торговли и Промышленности. Ему принадлежатъ многіе печатные труды по его специальности.

Н. Ф. Лабзинъ. По поводу 50-лѣтня ученной дѣятельности.

вѣковой юбилей его государственной дѣятельности засталъ его полнымъ силъ и энергіи.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Золотая паутина. Повѣсть В. А. Тихонова (Продолженіе).—Хамаль Гассанъ. Очеркъ изъ персидской жизни Н. Соловкина.—Пушкина.—Двухсотлѣтній юбилей 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса.—Искусство догмата и условности. (Древній Египетъ). Очеркъ А. М. Нагаевой.—Къ 75-лѣтнію кончины Отвѣтственности должностныхъ лицъ (Вопросы внутренней жизни).—А. А. Савурскій.—Н. Ф. Лабзинъ.—Объявленія. РИСУНКИ: Пьерро.—Скоморохи.—Деревенская карусель.—Карнавал.—Памяти Пушкина (7 рисунковъ).—„Современный балетъ“ В. Я. Свѣтлова (13 рисунковъ).—А. А. Савурскій.—Н. Ф. Лабзинъ.—Къ 200-лѣтнію 2-го кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса (5 рисунковъ).—Англійскіе гости въ Св. Синодѣ.—

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда“ кн. I.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.